МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ЕГО ГВАРДЕЙСКИХЪ ОДНОКАШНИКОВЪ. *)

(Изъ „Воспоминаній В. П. Бурнашева, по его ежедневнику, въ періодъ времени съ 15 Сентября 1836 по 6-е Марта 1837 г.).

Въ одно воскресенье, помнится, 15-го Сентября 1836 года, часу во второмъ дня, я поднимался по лѣстницѣ конногвардейскихъ казармъ, въ квартиру добраго моего пріятеля А. И. Синицына, съ которымъ я года за два передъ тѣмъ познакомился у П. Н. Беклемишева и теперь шелъ къ нему приглашать на танцовальный вечеръ 17 Сентября къ общимъ нашимъ знакомымъ Масловымъ, тогда недавно водворившимся въ столицѣ, куда, для воспитанія дѣтей, они переселились изъ Рязани. Синицынъ въ эту пору только что былъ произведенъ въ поручики и назначенъ помощникомъ командира запаснаго эскадрона, т. е. такого эскадрона, который состоялъ изъ молодыхъ солдатъ и кантонистовъ, большинство коихъ готовилось въ музыканты, фельдшера, писаря и въ разныя другія полковыя должности, состоя преимущественно изъ грамотнаго люда. Подходя уже къ дверямъ квартиры Синицына, я почти столкнулся съ быстро сбѣгавшимъ съ лѣстницы и жестоко гремѣвшимъ шпорами и саблею по каменнымъ ступенямъ, молоденькимъ гвардейскимъ гу-

*) Хотя авторъ составлялъ эти свои воспоминанія по ежедневнику, но въ подробностяхъ онъ, очевидно, прибавляетъ то что ему приходило на память уже теперь, и потому, конечно, самъ не можетъ ручаться за дословную точность сообщаемыхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе духъ времени схваченъ такъ живо, и разсказъ такъ увлекателенъ, что читатели Р. Архива, надѣемся, на насъ не посѣтуютъ за помѣщеніе сихъ историческихъ повѣствованій. Кто знаетъ ближе и вѣрнѣе, да не поскупится на сообщеніе. *П. Б.*

сарскимъ офицеромъ въ треугольной, надѣтой съ поля, шляпѣ, бѣлый перистый султанъ которой развѣвался отъ сквознаго вѣтра. Офицеръ этотъ имѣлъ очень веселый, смѣющійся видъ человѣка, который сію минуту видѣлъ, слышалъ или сдѣлалъ что-то пресмѣшное. Онъ слегка задѣлъ меня или скорѣе мою камлотовую шинель на байкѣ (какія тогда были въ общемъ употребленіи) длиннымъ капишономъ своей распахнутой и почти распущенной сѣрой офицерской шинели съ краснымъ воротникомъ, и, засмѣявшись звонко на всю лѣстницу (своды которой усиливали звуки) сказалъ, вскинувъ на меня свои довольно красивые, живые, черные какъ смоль глаза, принадлежавшіе однако лицу блѣдному, нѣсколько скуластому, какъ у Татаръ, съ крохотными тоненькими усиками и съ короткимъ носомъ, чуть чуть приподнятымъ, именно такимъ, какой Французы называютъ nez à la cousine: „Извините мою гусарскую шинель, что она лѣзетъ безъ спроса дѣловаться съ вашимъ гражданскимъ хитономъ“,—и продолжалъ быстро спускаться съ лѣстницы, все по прежнему гремя ножнами сабли, непристегнутой на крючокъ, какъ дѣлали тогда всѣ свѣтски-благовоспитанные кавалеристы, носившіе свое шумливое оружіе съ большою аккуратностью и осторожностью, не позволяя ему ни стучать, ни гремѣть (Это было не въ тонѣ. Развеселый этотъ офицерикъ не произвелъ на меня никакого особеннаго впечатлѣнія, кромѣ только того, что взглядъ его мнѣ покакался какимъ-то тяжелымъ, сосредоточеннымъ; да еще, врагъ всякихъ фамильярностей, я внутренно нашелъ странною фамильярность его со мною, котораго онъ въ первый разъ въ жизни видѣлъ, какъ и я его. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я вошелъ къ Синицыну и засталъ моего добраго Аѳанасія Ивановича въ его шелковомъ халатѣ, надѣтомъ на палевую канаусовую съ косымъ воротомъ рубашку, занятаго прилежнымъ смахиваніемъ пыли метелкою изъ пѣтушьихъ перьевъ со стола, дивана и креселъ и выниманіемъ окурковъ маисовыхъ пахитосовъ, самаго толстаго калибра, изъ цвѣточныхъ горшковъ, за которыми патріархальный мой Аѳанасій Ивановичъ имѣлъ тщательный и старательный личный уходъ, опасаясь дозволять слугамъ касаться до его комнатной флоры, покрывавшей всѣ его окна, увѣшанныя кромѣ того щеголеватыми проволочными клѣтками, въ которыхъ распѣвали крикуньи-канарейки и, по временамъ, заливались два жаворонка, Датскій и Курскій.

— „Что это вы такъ хлопочете, Аѳанасій Ивановичъ?“, спросилъ я, садясь въ одно изъ вольтеровскихъ креселъ, верхъ котораго прикрытъ былъ антимакассаромъ, чтобъ не испортилъ бы кто жирными волосами яркоцвѣтной штофной покрышки, впрочемъ и безъ того всегда покрытой бѣлымъ каленковыми чахлами.

— „Да, какъ же (отвѣчалъ Синицынъ съ нѣсколько недовольнымъ видомъ) я, вы знаете, люблю, чтобъ у меня все было въ порядкѣ, самъ за всѣмъ наблюдаю; а тутъ вдругъ, откуда ни возьмись, влетаетъ къ вамъ товарищъ по школѣ, куритъ, сыпитъ пепелъ вездѣ, гдѣ попало, тогда какъ я ему указываю на пепельницу и въ добавокъ швыряетъ окурки своихъ проклятыхъ трабукосовъ *) въ мои цвѣточные горшки, и при всемъ этомъ безъ милосердія болтаетъ, лепечетъ, разсказываетъ всякія грязныя исторіи о Петербургскихъ продажныхъ красавицахъ, декламируетъ самые скверные Французскіе стишонки, тогда какъ самого-то Богъ наградилъ замѣчательнымъ талантомъ писать истинно-прелестные Русскіе стихи. Такъ, не бось, не допросишься, чтобъ что нибудь свое прочелъ! Лѣнивъ, пострѣлъ, лѣнивъ страшно, и что ни напишетъ,

*) Толстыя пахитосы въ маисовой соломѣ, въ родѣ нынѣшнихъ папиросовъ, явившихся въ Петербургѣ только въ концѣ сороковыхъ годовъ.

все или прячетъ куда-то, или жжетъ на раскурку трубокъ своихъ же сорви-головъ-гусаровъ. А вѣдь стихи-то его, это, просто, музыка! Да и распречестный малый, превосходный товарищъ! Вотъ даже сію минуту привезъ мнѣ какіе-то сто рублей, которые еще въ школѣ занялъ у меня „Курокъ“..... Да, вѣдь вы „Курка“ не знаете: это одинъ изъ нашихъ школьныхъ товарищей, за котораго этотъ гусарчикъ, котораго вы вѣрно сейчасъ встрѣтили, расплачивается. Вы знаете, В** П**, я не люблю деньги жечь; но ей Богу, я сейчасъ предлагалъ этому сумасшедшему: „Майошка, напиши, братъ, сотню стиховъ о чемъ хочешь: охотно плачу тебѣ по рублю, по два, по три за стихъ съ обязательствомъ держать ихъ только для себя и для моихъ друзей, не пуская въ печать“. Такъ нѣтъ, не хочетъ, капризный змѣенышъ этакой, не хочетъ даже „Уланшу“ свою мнѣ отдать цѣликомъ и въ вѣрномъ оригиналѣ, и теперь даже божился, грѣховодникъ, что у него и „Монго“ нѣтъ, между тѣмъ Коля Юрьевъ давно у него же для меня подтибрилъ копію съ „Монго“. Прелесть, я вамъ скажу, прелесть, а все таки не безъ пакостной барковщины. C'est plus fort que lui! Еще у этого пострѣленка, косолапаго „Майошки“, страстишка дразнить меня моею аккуратною обстановною и приводить у меня мебель въ безпорядокъ, сорить пепломъ и, наконецъ, что ужъ изъ рукъ вонъ, просто сердце у меня вырываетъ, это то, что онъ портитъ мои цвѣты, рододендронъ вотъ этотъ, и какъ нарочно выбралъ же онъ рододендронъ, а не другое что, и забавляется, разбойникъ этакой, тѣмъ, что суетъ окурки въ землю, и не то, чтобы только снаружи, а расковыриваетъ землю, да и хоронитъ. Ну далеко ли до корня? Я ему резонъ говорю, а онъ заливается хохотомъ! Просто отпѣтый какой-то „Майошка“, мой любезный однокашникъ“.

И все это Аѳанасій Ивановичъ разсказывалъ, стараясь какъ можно тщательнѣе очистить поверхность земли въ горшкѣ своего любезнаго рододендрона, не поднимая на меня глазъ и устремивъ все свое вниманіе на цвѣточную землю и на свою работу: но, вдругъ замѣтивъ, что и я курю мои соломенки-пахитосы, онъ быстро взглянулъ, стоитъ ли въ приличномъ разстояніи отъ меня бронзовая пепельница. Вслѣдствіе этого не по натурѣ его быстраго движенія, я сказалъ ему:

— „Не опасайтесь, дорогой Аѳанасій Ивановичъ, я у васъ не насорю. Но скажите пожалуйста, гость вашъ такъ васъ огорчившій, вѣдь это тотъ молоденькій гусаръ, что̀ сейчасъ отъ васъ вышелъ хохоча?“

—„Да, да, отвѣчалъ Синицынъ, тотъ самый. И вышелъ злодѣй, съ хохотомъ отъ меня, восхищаясь тѣмъ, что доставилъ мнѣ своимъ визитомъ работы на добрый часъ, чтобъ за нимъ подметать и подчищать. Еще, слава Богу, ежели онъ мнѣ не испортилъ въ конецъ моего рододендрона. Я, вы знаете, не прочь принять товарища и угостить чѣмъ Богъ пошлетъ; но терпѣть не могу, когда пріятели нарушаютъ заведенный у меня порядокъ, и невольно въ такомъ разѣ отвѣчаю имъ словами мельника въ Сансуси изъ извѣстной исторической побасенки Андріё: “ Chacun est maitre dans sa maison!“ *)

Спустя нѣсколько времени, добрѣйшій Аѳанасій Ивановичъ, приведя все въ порядокъ, нѣсколько поуспокоился послѣ визита шаловливаго гусарчика, произведшаго у него такую кутерьму, и сидѣлъ уже, поджавши ноги, на диванѣ, усердно занимаясь другимъ важнымъ дѣломъ, расчесываніемъ волнистой шерсти великолѣпнаго своего Атаргулн (тогда романы Евгенія Сю были въ великой модѣ) эспаньоля тамнокофейной масти, пользовавшагося привилегіею ложиться съ ногами на диванъ; но, впрочемъ, и то правда, что щепетильно-аккуратный я

*) Всякій человѣкъ—господинъ въ своемъ домѣ.

опрятный какъ квакеръ или гернгутеръ, какъ его называли полковые товарищи, владѣлецъ этого изящнаго пса дозволялъ ему эту исключительную льготу не иначе, какъ по личномъ удостовѣреніи въ томъ, что тринадцатилѣтній мальчикъ-казачекъ, Ѳифка (т. е. Ѳеофилактъ), имѣвшій спеціальною обязанностью пестунство и уходъ за Атаргулемъ, старательно вытеръ лапы своего воспитанника послѣ каждаго его возвращенія со двора.

Чтобъ не играть долго въ молчанку, которая съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ была, впрочемъ, довольно обыкновенна, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько заинтересованный моею встрѣчею съ гусарскимъ офицеромъ, обратившимся ко мнѣ съ такою странною шуткою, я спросилъ Синицына: „Кто же этотъ гусаръ? Вы называете его „Майошкой“; но это, вѣроятно, школьная кличка, nom de guerre?“ —„Лермонтовъ“, отвѣчалъ Синицынъ, „мы съ нимъ были вмѣстѣ въ кавалерійскомъ отдѣленіи школы; только онъ и нѣсколько другихъ юнкеровъ оставались въ школѣ послѣ меня, почему надѣли эполеты лишь въ прошломъ году. Я ихъ всѣхъ чинами перегналъ, потому что на дняхъ вѣдь меня произвели въ поручики, что̀ чудо изъ чудесъ у насъ въ конной гвардіи, гдѣ всѣ страхъ какъ засиживаются въ чинахъ, не то, что̀ въ кавалергардахъ, у которыхъ почти что̀ годъ, то чинъ: долго эти господа тамъ не служатъ, а больше все разлетаются въ адъютанты или выходятъ въ отставку и уѣзжаютъ за границу. Наши же всѣ служаки; къ томуже у насъ много Остзейцевъ, а эти какъ гдѣ засядутъ, такъ сидятъ тамъ крѣпко, стараясь перетащить къ себѣ побольше своихъ земляковъ“.

—„Вы говорили давича, любезнѣйшій Аѳанасій Ивановичъ, спросилъ я, почти не слушая служебныхъ разсужденій моего собесѣдника, вы говорили, что этотъ гусарскій офицеръ, Лермонтовъ, пишетъ стихи?“

—„Да и какіе прелестные, увѣряю васъ, стихи, пишетъ онъ! Такіе стихи развѣ только Пушкину удавались. Стихи этого моего однокашника Лермонтова отличаются необыкновенною музыкальностью и пѣвучестью; они сами собою такъ и входятъ въ память читающаго ихъ. Словно арія или соната! Когда я слушаю, какъ читаетъ эти стихи хоть, напримѣръ, Коля Юрьевъ, нашъ же товарищъ, лейбъ-драгунъ, двоюродный братъ Лермонтова, также недурной стихотворецъ, но, главное, великій мастеръ читать стихи,—то, ей Богу, мнѣ кажется, что въ слухъ мой такъ и льются звуки самой высокой гармоніи. Я бѣшусь на Лермонтова главное за то, что онъ не хочетъ ничего своего давать въ печать и за то, что онъ повѣсничаетъ съ своимъ дивнымъ талантомъ и, по моему, просто на просто, оскорбляетъ божественный свой даръ, избирая для своихъ стихотвореній сюжеты совершенно нецензурнаго характера и вводя въ нихъ вѣчно отвратительную „барковщину“. Разъ какъ-то, въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ школѣ, Лермонтовъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о Кавказѣ, гдѣ онъ былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчишкой, написалъ дѣлую маленькую поэмку изъ восточнаго быта, свободную отъ проявленій грязнаго вкуса. И замѣтьте, что по его нѣжной природѣ это вовсе не его жанръ; а онъ себѣ его напускаетъ, и все изъ какого-то мальчишескаго удальства, безъ котораго эти господа считаютъ, что кавалеристъ вообще не кавалеристъ, а ужъ особенно ежели онъ гусаръ. И вотъ, эту-то поэмку у Лермонтова какъ-то хитростью удалось утащить его кузену Юрьеву. Завладѣвъ этою драгоцѣнностью, Юрьевъ полетѣлъ съ нею къ Сенковскому и прочелъ ее ему вслухъ съ тѣмъ мастерствомъ, о которомъ я уже вамъ говорилъ сейчасъ. Сенковскій былъ въ восторгѣ, просилъ Юрьева сказать автору, что его стихотворенія всѣ, сколько бы онъ ихъ ни давалъ, будутъ напечатаны, лишь бы только

цензура разрѣшила. А та-та и бѣда, что никакая въ свѣтѣ цензура не можетъ допустить въ печать хотя и очаровательные стихи, но непремѣнно съ множествомъ грязнѣйшихъ подробностей, противъ которыхъ кричитъ чувство изящнаго вкуса".

—„А, вотъ что, замѣтилъ я, такъ эта прелестная маленькая поэма „Гаджи-Абрекъ", напечатанная въ „Библіотекѣ для Чтенія" прошлаго 1835 года, принадлежитъ этому маленькому гусарику, который сейчасъ почти закуталъ меня капишономъ своей шинели и увѣрялъ меня, личность ему совершенно не знакомую, что его гусарскій плащъ цѣлуется съ моею гражданскою тогою, при чемъ употребилъ одинъ очень не цензурный глаголъ, который можетъ быть кстати развѣ только за жженкой въ компаніи совершенно разнузданной. Кто бы могъ подумать, что такой очаровательный талантъ—принадлежность такого сорви-головы!"

—„Ну эта фарса съ шинелью очень похожа на Лермонтова, засмѣялся Синицынъ. За тѣмъ-то онъ все хороводится съ Константиномъ Булгаковымъ*), продѣлками котораго нынче полонъ Петербургъ, почему онъ, гусь лапчатый, остался лишній годъ въ школѣ. Однако, многоуважаемый В*** П***, я съ вами не согласенъ на счетъ вашего удивленія по поводу поэтическаго таланта, принадлежащаго сорви-головѣ, какъ вы сказали. Послѣ Пушкина, который былъ въ свое время сорви-головой, кажется, почище всѣхъ сорви-головъ бывшихъ, сущихъ и грядущихъ, нечего удивляться сочетанію талантовъ въ Лермонтовѣ съ страстью къ повѣсничанью и молодечеству. А только мнѣ больно то, что вѣтренность моего товарища-поэта можетъ помѣшать ему въ дальнѣйшемъ развитіи этого его дивнаго таланта, который ярко блещетъ даже въ такихъ его произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, его „Уланша". Маленькую эту шуточную поэмку невозможно печатать цѣликомъ; но однако въ ней бездна чувства, гармоніи, музыкальности, пѣвучести, картинности и чего-то такого, что такъ и хватаетъ за сердце".

—„Не помните ли вы, Аѳанасій Ивановичъ, спросилъ я, хоть нѣсколькихъ стиховъ изъ этой поэмки? Вы бы прекрасно угостили меня, прочитавъ изъ нея хоть какой нибудь отрывокъ."

—„Какъ не знать, очень знаю, воскликнулъ Синицынъ, и не только десятокъ или дюжину стиховъ, а всю эту поэмку, написанную подъ впечатлѣніями лагерныхъ стоянокъ школы въ Красномъ Селѣ, гдѣ между кавалерійскими нашими юнкерами (изъ которыхъ всего больше въ этотъ выпускъ случилось улановъ) славилась своею красотою и бойкостью одна молоденькая Красносельска. Главными друзьями этой деревенской Аспазіи были уланы наши, почему, въ нашемъ кружкѣ она и получила прозвище „Уланши." И вотъ ее-то, съ примѣсью всякой скарроновщины, воспѣлъ въ шуточной поэмкѣ нашъ „Майошка". Слушайте: я начинаю.

—„Прежде чѣмъ начать, перебилъ я, скажите на милость, почему юнкера прозвали Лермонтова „Майошкой"? Что за причина этого собрике?"

—„Очень простая, отвѣчалъ Синицынъ. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ маленько кривоногъ, благодаря удару, полученному имъ въ манежѣ отъ раздразненной имъ лошади еще въ первый годъ его нахожденія въ школѣ; да къ томуже и порядкомъ, какъ вы могли замѣтить, сутуловатъ и неуклюжъ, особенно для гвардейскаго гусара. Вы знаете, что Французы, Богъ знаетъ почему, всѣхъ горбуновъ зовутъ Mayeux и что подъ названіемъ „Monsieur Mayeux" есть

*) Этотъ Булгаковъ, Константинъ, служившій въ Л. Гв. Московскомъ полку, хотя въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ числился въ Преображенскомъ полку, былъ знаменитъ своими разнообразными, иногда очень остроумными, проказами, почему онъ былъ въ милости у Великаго Князя Михаила Павловича, снисходительно относившагося къ шалостямъ молодежи, ежели шалости эти не проявляли ничего вреднаго.

одинъ романъ Рикера, въ родѣ Польде-Кока; такъ вотъ „Майошка“ косолапый уменьшительное Французскаго Maueux“.

Давъ мнѣ это объясненіе, Синицынъ прочелъ наизустъ въ слухъ, отъ первой строки до послѣдней, всю поэмку Лермонтова, которая впослѣдствіи была напечатана, конечно, съ выпускомъ всего неудобопечатаемаго и черезъ чуръ скарронскаго, въ 1859 году въ „Библіографическихъ Запискахъ“ покойнаго А. Н. Аѳанасьева, труды котораго были такъ полезны исторіи отечественной и библіографіи.

Я съ большимъ удовольствіемъ прослушалъ стихотвореніе, въ которомъ нельзя не замѣтить и не почувствовать нѣсколькихъ очень бойкихъ стиховъ, преимущественно имѣющихъ цѣль чисто живописательную. Тогда Синицынъ вынулъ изъ своего письменнаго стола тетрадку почтовой бумаги, сшитую въ осьмушку, и сказалъ мнѣ:

—„По пословицѣ: „кормилъ до бороды, надо покормить до усовъ“. Вамъ, В*** П***, повидимому нравятся стишки моего однокашника, такъ я вамъ ужъ не наизустъ, а по этой тетрадкѣ прочту другіе его стихи, только что вчера доставленные мнѣ Юрьевымъ, для списка копіи. Это маленькое стихотвореніе Лермонтова называется: „Монго“ *).

—„Вотъ странное названіе!“, воскликнулъ я.

—„Да, отозвался Синицынъ, странное и источникъ котораго мнѣ не извѣстенъ. Знаю только, что это прозвище носитъ другъ и товарищъ дѣтства Лермонтова, теперешній его однополчанинъ, лейбъ-гусаръ же, Столыпинъ, красавецъ, въ котораго, какъ вы знаете, влюбленъ весь Петербургскій beau monde и котораго въ придачу къ прозвищу „Монго“, зовутъ еще le beau Столыпинъ и la coquecluche des femmes. То стихотвореніе Лермонтова, которое носитъ это названіе и написано имъ на дняхъ, имѣло, soit dit entre nous, основаніемъ то, что Столыпинъ и Лермонтовъ вдвоемъ совершили верхами, недѣль шесть тому назадъ, поѣздку изъ села Копорскаго близь Царскаго Села на Петергофскую дорогу, гдѣ, въ одной изъ дачъ близь Краснаго Кабачка, все лѣто жила наша кордебалетная прелестнѣйшая изъ прелестныхъ Нимфа, Пименова, та самая, что̀ постоянно привлекаетъ всѣ лорнеты ложъ и партера, а въ знаменитой бенуарной ложѣ „волокитъ“ производитъ появленіемъ своимъ цѣлую революцію. Столыпинъ былъ въ числѣ ея поклонниковъ, да и онъ ей очень нравился; да не могъ же дѣвочкѣ со вкусомъ не нравиться этотъ писаный красавецъ, нечего сказать. Но громадное богатство пріѣзжаго изъ Казани нѣкоего, кажется, г-на Моисеева, чуть ли не изъ Іерусалимской аристократіи и принадлежащаго, кажется, къ почтенной плеядѣ откупщиковъ, понравилось дѣвочкѣ еще больше черныхъ глазъ „Монго“, съ которымъ однако шалунья тайкомъ видалась, и вотъ на одно-то изъ этихъ тайныхъ и неожиданныхъ краскою свиданій отправились оба друга, то есть „Монго“ съ „Майошкой“. Они застали красавицу дома; она угостила ихъ чаемъ; Лермонтовъ скромно усѣлся въ сторонкѣ, думая о томъ, какое ужасное мученье (тутъ Синицынъ опустилъ глаза въ тетрадку и сталъ читать:)

Быть адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонёромъ,
Или на балѣ быть танцоромъ;
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ!

*

*) Стихотвореніе это съ нѣкоторыми пропусками напечатано П. А. Ефремовымъ въ „Библіограф. Запискахъ“ 1861 г. № 20 и перепечатано въ „Собраніи стихотвореній Лермонтова“ 1862 г. редакціи Дудышкина. Т. I. стр. 192. Въ 1871 г. М. И. Семевскій съ нѣкоторыми дополненіями напечаталъ „Монго“ въ своихъ приложеніяхъ къ „Запискамъ Е. А. Хвостовой“. Но и тутъ есть описка противъ того манускрипта, писаннаго рукою М. Ю. Лермонтова въ 1836 году и съ недѣлю находившагося у моего пріятеля А. И. Синицына, позволившаго мнѣ списать тогда же вѣрную копію.

Межъ тѣмъ „Монго“ горитъ и таетъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ.
Девятимѣстная коляска,
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ.....
Увы! печальная развязка,
Неотразимый гнѣвъ боговъ!.....“
То былъ Мойсеевъ съ своею свитой и проч.

—„Можете представить смущеніе посѣтителей и хозяйки! продолжалъ Синицынъ. Но молодцы-гусары, не долго думая, убѣдились, что (онъ снова прочелъ по рукописи:)

Осталось средство имъ одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно.
Опасенъ подвигъ дерзновенный,
И не сдержать имъ головы;
Но въ нихъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ!... И были таковы. *)

—„Вотъ вамъ вся драма этого милаго, игриваго, прелестнаго въ своемъ родѣ стихотворенія, которое я цѣликомъ сейчасъ вамъ прочту; извините, попортилъ эффектъ тѣмъ, что прочелъ эти отрывки.“

Но благому намѣренію Аѳанасія Ивановича помѣшалъ вошедшій полковой берейторъ въ такомъ мундирѣ, какой, кажется, и нынче носятъ эти господа, т. е. въ такомъ, какой по сей часъ присвоенъ полковымъ капельмейстерамъ и похожій нѣсколько на конногвардейскій вицмундиръ формы того времени, только безъ эполетъ и съ шляпой безъ султана. Оказалось, что берейторъ изъ Нѣмцовъ пришелъ къ Аѳанасію Ивановичу приглашать его къ полковому командиру генералу барону Мейендорфу, прославившемуся во время Польской 1831 года войны своимъ дивнымъ изъ дивныхъ кавалерійскихъ подвигомъ на мосту подъ Гроховымъ **). На этотъ разъ дѣло шло о какомъ-то, принадлежащемъ Синицыну, выѣзжаемомъ молодомъ жеребцѣ Манфредѣ, котораго генералъ, кажется, желалъ пріобрѣсти за щедрую плату для своей превосходительной особы. Какъ бы то ни было, Синицынъ, отпустивъ тотчасъ берейтора, сталъ одѣваться въ вицъ-мундиръ. Я же, видя, что мнѣ необходимо прекратить мое посѣщеніе, всталъ и сказалъ Синицыну, охорашевавшемуся передъ зеркаломъ, причину моего визита. Причина эта была та, о которой я упомянулъ въ самомъ началѣ моей статьи, именно приглашеніе добрѣйшаго и любезнѣйшаго Аѳанасія Ивановича на танцовальный вечеръ Дмитрія Николаевича и Натальи Григорьевны Масловыхъ, назначеный дня черезъ два, именно 17 Сентября въ день Ангела ихъ второй дочери, Вѣры Дмитріевны *). Аѳанасій Ивановичъ принялъ безъ всякихъ жеманствъ и церемоній приглашеніе этого добрѣйшаго и истинно любезнаго и гостепріимнаго дома, о которомъ, какъ объ одномъ изъ тѣхъ Петербургскихъ домовъ, которые оставили во мнѣ наилучшее впечатлѣніе на всю мою жизнь, я распространюсь когда нибудь въ той моей статьѣ, которую озаглавлю: „*Свѣтская жизнь въ Петербургѣ въ 1830 — 1850 г.*“, гдѣ я надѣюсь воспроизвести, разумѣется, съ точки зрѣнія собственныхъ, а не заимствованныхъ отъ кого бы то ни было впечатлѣній, тогдашнее житье-бытье въ Петербургѣ того не высшаго, но хорошаго средняго круга, въ которомъ я постоянно съ юношескихъ лѣтъ вращался и котораго многія черты проявлены уже мною въ прежнихъ моихъ статьяхъ и особенно въ той статьѣ, которая печатается въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ названіемъ: „Воспоминанія изъ эпизодовъ моей частной и служебной дѣятельности съ 1834 по 1850 г.“

*) Я намѣренно привожу здѣсь эти стихи, потому что у М. И. Семевскаго по рукописи П. А. Ефремова изложеніе въ нихъ неправильное и не достаетъ двухъ стиховъ, которые здѣсь напечатаны курсивомъ. В. Б.

**) Нынѣ генералъ отъ кавалеріи и оберъ-егермейстеръ. Нѣкогда это былъ прототипъ изящнѣйшаго гвардейскаго кавалериста и красавецъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ генерала Потемкина, урожденной Брискорнъ.

*) Она впослѣдствіи была замужемъ за ген. ад. Фроловымъ и умерла въ молодыхъ лѣтахъ еще.

Теперь же скажу о домѣ Масловыхъ только то, что глава этого семейства Д. Н. Масловъ, майоръ въ отставкѣ, былъ нѣкогда губернскимъ предводителемъ Рязанскаго дворянства и носилъ постоянно орденъ св. Анны, украшенный настоящими, какъ жаръ горѣвшими, алмазами, которыхъ онъ никогда не хотѣлъ замѣнить стразами, потому что орденъ этотъ онъ получилъ отъ Императора Александра Павловича, посѣщавшаго Рязань въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда Государь явилъ ему и его семейству другую милость, состоявшую въ томъ, что повелѣлъ всѣхъ сыновей Дмитрія Николаевича и Натальи Григорьевны, сколько бы ихъ у нихъ ни было (а ихъ было, кажется, шесть человѣкъ) зачислить въ Пажескій Корпусъ, гдѣ всѣ они и воспитывались. Въ то время когда я бывалъ въ этомъ пріятнѣйшемъ домѣ и, исполняя порученіе милѣйшей и добрѣйшей хозяйки, приглашалъ на танцовальный ихъ вечеръ Аѳанасія Ивановича Синицына,—трое изъ ихъ сыновей носили пажескій мундиръ, и старшій изъ нихъ, Михаилъ Дмитріевичъ, вскорѣ былъ назначенъ камеръ-пажомъ, а потомъ поступилъ въ Лейбъ-Гвардіи гусарскій полкъ, гдѣ, кажется, дослужился до полковниковъ. Говорю „кажется“, потому что, поступивъ въ Апрѣлѣ 1839 года на службу въ Удѣльное Земледѣльческое Училище (чрезъ что я разорвалъ всѣ или почти всѣ мои свѣтскія сношенія и отношенія) я разстался съ многими домами, изъ числа которыхъ домъ Масловыхъ былъ тотъ, съ которымъ я разстался ранѣе, чѣмъ съ другими. Причиною тому была кончина добрѣйшей Натальи Григорьевны, изнемогшей отъ печали по замужней дочери Вѣрѣ. Старшая изъ дѣвицъ Масловыхъ, Евгенія Дмитріевна, оставшаяся во главѣ семейства, превосходная личность, какихъ мало на свѣтѣ, вышла впослѣдствіи въ Рязани замужъ за доктора Вѣнецкаго, овдовѣла и потомъ, какъ я слышалъ ,тоже умерла. Послѣ нея остался сынъ, бывшій въ Петербургскомъ университетѣ во время такъ называемой „студентской исторіи 1861 года“. Въ 1862 или 1863 году въ „Иллюстрированной Газетѣ“ В. Р. Зотова была статья, принадлежавшая этому молодому человѣку и изображавшая яркими красками одинъ изъ несчастныхъ случаевъ его крайней юности. Статья эта свидѣтельствовала о талантѣ молодаго человѣка, дальнѣйшая судьба котораго мнѣ неизвѣстна. По смерти матери, кажется, въ1840 или 1841 году, все семейство разъѣхалось въ разныя стороны и, преимущественно, въ Рязань, куда Дмитрія Николаевича привлекали его хозяйственныя дѣла. Какъ бы то ни было, три или четыре года довольно короткаго знакомства въ этомъ домѣ, когда мнѣ было съ небольшимъ 25—26 лѣтъ, оставили въ памяти моей неизгладимыя черты, внесенныя мною въ мой ежедневный журналъ, который я постоянно велъ съ самыхъ почти отроческихъ лѣтъ.

Свѣтскій зимній сезонъ 1836—1837 годовъ начался для меня весело, пріятнымъ вечеромъ у Масловыхъ, гдѣ мы съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ проплясали, какъ теперь помню, не только всю ночь, но и часть утра, такъ что, не желая въ шесть часовъ утра будить мою семью, состоявшую изъ матери, постоянно больной и сестры, только что вышедшей преждевременно (по фантазіи матери) изъ Смольнаго, я поѣхалъ не ночевать (о снѣ и рѣчи нѣ было, потому что уже въ 10 ч. необходимо должно было быть на службѣ въ военномъ министерствѣ) а пить кофе и завтракать къ Синицыну въ конногвардейскія казармы, гдѣ я и получилъ отъ Аѳанасія Ивановича дня на два подлинную тетрадку съ стихотвореніемъ „Монго“ для снятія съ нея копіи. И вотъ, благодаря этой-то вѣрной, разпревѣрной копіи, тщательно списанной мастерски и каллиграфически однимъ изъ подчиненныхъ мнѣ тогда писарей (разумѣется, за довольно изрядное вознагражденіе), — я и могу теперь возстановить тѣ сти-

хи, которые оказываются выпущенными въ напечатанныхъ доселѣ. Въ это же утро А. И. Синицынъ далъ мнѣ, для списанія, еще одно юнкерское стихотвореніе Лермонтова подъ названіемъ: *Петергофскій праздникъ*; но это стихотвореніе, полное скарроновщины, мнѣ было не по сердцу, хотя и въ немъ есть мѣста истинно превосходныя, свидѣтельствующія о замѣчательномъ талантѣ автора. Достойно вниманія, что въ этой грязноватой поэмкѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ изображенъ юнкеръ Мартыновъ, вышедшій въ Гатчинскіе кирасиры, родной и старшій братъ Мартынова, имѣвшаго несчастіе убить на дуэли въ 1841 году Лермонтова.

Повторяю, зима 1836 и начала 1837 года была для меня одна изъ самыхъ веселыхъ въ моей жизни, отчасти можетъ быть потому, что мнѣ въ эту зиму привелось сопровождать на вечера и на балы, вмѣсто матери (какъ я выше сказалъ, почти постоянно больной) шестнадцатилѣтнюю монастырочку, мою сестрёнку, и, вспоминаю, что эта новая роль не то ментора, не то cavalieri-serventi, занимала и забавляла меня и оставила во мнѣ много, много впечатлѣній. Но, впрочемъ, вся эта разсѣянная жизнь, какую я велъ съ 17-го Сентября, не уклонила меня отъ моихъ обычныхъ занятій, посвящаемыхъ, правду сказать, слегка службѣ въ военномъ министерствѣ и, преимущественно, посѣщеніямъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, сотрудничеству въ „Журналѣ Общеполезныхъ свѣдѣній“ (отъ „Сѣв. Пчелы“ я тогда почти отсталъ) и изготовленію для книгопродавцевъ подъ разнообразными псевдонимами, всевозможныхъ книгъ, книжекъ и книжонокъ, что все вмѣстѣ давало мнѣ, какъ говорится, de quoi manger et boire*), имѣя на рукахъ семью и, главное, молоденькую дѣвушку-сестру, вступавшую въ свѣтъ и продолжавшую свое музыкальное воспитаніе для развитія весьма крупнаго и замѣчательнаго таланта, не утратившаго и понынѣ своей силы и очаровательной свѣжести. Среди всѣхъ этихъ проявленій моей постоянной и обычной дѣятельности, я посѣщалъ довольно часто Библіотеку „для чтенія“ (какъ будто библіотека для чего инаго какъ не для чтенія) Смирдина на Невскомъ въ домѣ Петропавловской церкви. Библіотекаремъ этой библіотеки, древнѣйшей въ Петербургѣ и созданной еще Плавильщиковымъ въ XVIII вѣкѣ, былъ знаменитый въ то время библіофилъ и библіоманъ, Ѳедоръ Фроловичъ Цвѣтаевъ, человѣкъ весьма недюжинный и владѣвшій такою удивительною памятью, какою щеголять могутъ лишь въ крайне ограниченномъ числѣ избранники. Память его была до того изумительна, что давала ему возможность безошибочно, наизустъ, безъ всякой справки, указывать на страницы различныхъ мѣстъ изъ огромныхъ сочиненій и знать въ тончайшихъ подробностяхъ исторію каждаго маломальски рельефнаго изданія изъ числа тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ, какіе составляли библіотеку покойнаго А. Ф. Смирдина, лучшую въ городѣ. Къ тому же онъ до того сроднился съ этими книгами и размѣщеніемъ ихъ въ книгохранилищѣ, что зналъ, гдѣ которая изъ нихъ на полкахъ стоитъ и указывалъ ее своимъ юнымъ помощникамъ-мальчикамъ безъ запинки и затрудненія. Я былъ изъ числа многочисленныхъ посѣтителей, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, который пользовался добрымъ расположеніемъ, впрочемъ довольно угрюмаго и не слишкомъ-то общительнаго Ѳедора Фроловича, котораго въ то время зналъ и уважалъ весь читающій и въ особенности литературно-работающій Петербургъ, почему въ статьѣ моей, которая исподволь мною на 1873 годъ подготовляется, подъ названіемъ: *„Петербургскія редакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“*, воспоминаніе о Ѳедорѣ Фроловичѣ займетъ не послѣднее мѣсто.

Пользуясь моимъ ежедневнымъ журналомъ, вспоминаю теперь, что 26 Ян-

*) Чѣмъ наѣсться и напиться.

Теперь же скажу о домѣ Масловыхъ только то, что глава этого семейства Д. Н. Масловъ, майоръ въ отставкѣ, былъ нѣкогда губернскимъ предводителемъ Рязанскаго дворянства и носилъ постоянно орденъ св. Анны, украшенный настоящими, какъ жаръ горѣвшими, алмазами, которыхъ онъ никогда не хотѣлъ замѣнить стразами, потому что орденъ этотъ онъ получилъ отъ Императора Александра Павловича, посѣщавшаго Рязань въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда Государь явилъ ему и его семейству другую милость, состоявшую въ томъ, что повелѣлъ всѣхъ сыновей Дмитрія Николаевича и Натальи Григорьевны, сколько бы ихъ у нихъ ни было (а ихъ было, кажется, шесть человѣкъ) зачислить въ Пажескій Корпусъ, гдѣ всѣ они и воспитывались. Въ то время когда я бывалъ въ этомъ пріятнѣйшемъ домѣ и, исполняя порученіе милѣйшей и добрѣйшей хозяйки, приглашалъ на танцовальный ихъ вечеръ Аѳанасія Ивановича Синицына, — трое изъ ихъ сыновей носили пажескій мундиръ, и старшій изъ нихъ, Михаилъ Дмитріевичъ, вскорѣ былъ назначенъ камеръ-пажомъ, а потомъ поступилъ въ Лейбъ-Гвардія гусарскій полкъ, гдѣ, кажется, дослужился до полковниковъ. Говорю „кажется“, потому что, поступивъ въ Апрѣлѣ 1839 года на службу въ Удѣльное Земледѣльческое Училище (чрезъ что я разорвалъ всѣ или почти всѣ мои свѣтскія сношенія и отношенія) я разстался съ многими домами, изъ числа которыхъ домъ Масловыхъ былъ тотъ, съ которымъ я разстался ранѣе, чѣмъ съ другими. Причиною тому была кончина добрѣйшей Натальи Григорьевны, изнемогшей отъ печали по замужней дочери Вѣрѣ. Старшая изъ дѣвицъ Масловыхъ, Евгенія Дмитріевна, оставшаяся во главѣ семейства, превосходная личность, какихъ мало на свѣтѣ, вышла впослѣдствіи въ Рязани замужъ за доктора Вѣнецкаго, овдовѣла и потомъ, какъ я слышалъ, тоже умерла. Послѣ нея остался сынъ, бывшій въ Петербургскомъ университетѣ во время такъ называемой „студентской исторіи 1861 года“. Въ 1862 или 1863 году въ „Иллюстрированной Газетѣ“ В. Р. Зотова была статья, принадлежавшая этому молодому человѣку и изображавшая яркими красками одинъ изъ несчастныхъ случаевъ его крайней юности. Статья эта свидѣтельствовала о талантѣ молодаго человѣка, дальнѣйшая судьба котораго мнѣ неизвѣстна. По смерти матери, кажется, въ 1840 или 1841 году, все семейство разъѣхалось въ разныя стороны и, преимущественно, въ Рязань, куда Дмитрія Николаевича привлекали его хозяйственныя дѣла. Какъ бы то ни было, три или четыре года довольно короткаго знакомства въ этомъ домѣ, когда мнѣ было съ небольшимъ 25—26 лѣтъ, оставили въ памяти моей неизгладимыя черты, внесенныя мною въ мой ежедневный журналъ, который я постоянно велъ съ самыхъ почти отроческихъ лѣтъ.

Свѣтскій зимній сезонъ 1836—1837 годовъ начался для меня весело, пріятнымъ вечеромъ у Масловыхъ, гдѣ мы съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ проплясали, какъ теперь помню, не только всю ночь, но и часть утра, такъ что, не желая въ шесть часовъ утра будить мою семью, состоявшую изъ матери, постоянно больной и сестры, только что вышедшей преждевременно (по фантазіи матери) изъ Смольнаго, я поѣхалъ не ночевать (о снѣ и рѣчи нѣ было, потому что уже въ 10 ч. необходимо должно было быть на службѣ въ военномъ министерствѣ) а пить кофе и завтракать къ Синицыну въ конногвардейскія казармы, гдѣ я и получилъ отъ Аѳанасія Ивановича дня на два подлинную тетрадку съ стихотвореніемъ „Монго“ для снятія съ нея копіи. И вотъ, благодаря этой-то вѣрной, разпревѣрной копіи, тщательно списанной мастерски и каллиграфически однимъ изъ подчиненныхъ мнѣ тогда писарей (разумѣется, за довольно изрядное вознагражденіе), — я и могу теперь возстановить тѣ сти-

хи, которые оказываются выпущенными въ напечатанныхъ доселѣ. Въ это же утро А. И. Синицынъ далъ мнѣ, для списанія, еще одно юнкерское стихотвореніе Лермонтова подъ названіемъ: *Петергофскій праздникъ*; но это стихотвореніе, полное скарроновщины, мнѣ было не по сердцу, хотя и въ немъ есть мѣста истинно превосходныя, свидѣтельствующія о замѣчательномъ талантѣ автора. Достойно вниманія, что въ этой грязноватой поэмкѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ изображенъ юнкеръ Мартыновъ, вышедшій въ Гатчинскіе кирасиры, родной и старшій братъ Мартынова, имѣвшаго несчастіе убить на дуэли въ 1841 году Лермонтова.

Повторяю, зима 1836 и начала 1837 года была для меня одна изъ самыхъ веселыхъ въ моей жизни, отчасти можетъ быть потому, что мнѣ въ эту зиму привелось сопровождать на вечера и на балы, вмѣсто матери (какъ я выше сказалъ, почти постоянно больной) шестнадцатилѣтнюю монастырочку, мою сестрёнку, и, вспоминаю, что эта новая роль не то ментора, не то cavalieri-serventi, занимала и забавляла меня и оставила во мнѣ много, много впечатлѣній. Но, впрочемъ, вся эта разсѣянная жизнь, какую я велъ съ 17-го Сентября, не уклонила меня отъ моихъ обычныхъ занятій, посвящаемыхъ, правду сказать, слегка службѣ въ военномъ министерствѣ и, преимущественно, посѣщеніямъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, сотрудничеству въ „Журналѣ Общеполезныхъ свѣдѣній“ (отъ „Сѣв. Пчелы“ я тогда почти отсталъ) и изготовленію для книгопродавцевъ подъ разнообразными псевдонимами, всевозможныхъ книгъ, книжекъ и книжонокъ, что все вмѣстѣ давало мнѣ, какъ говорится, de quoi manger et boire*), имѣя на рукахъ семью и, главное, молоденькую дѣвушку-сестру, вступавшую въ свѣтъ и продолжавшую свое музыкальное воспитаніе для развитія весьма крупнаго и замѣчательнаго таланта, не утратившаго и понынѣ своей силы и очаровательной свѣжести. Среди всѣхъ этихъ проявленій моей постоянной и обычной дѣятельности, я посѣщалъ довольно часто Библіотеку „для чтенія“ (какъ будто библіотека для чего инаго какъ не для чтенія) Смирдина на Невскомъ въ домѣ Петропавловской церкви. Библіотекаремъ этой библіотеки, древнѣйшей въ Петербургѣ и созданной еще Плавильщиковымъ въ XVIII вѣкѣ, былъ знаменитый въ то время библіофилъ и библіоманъ, Ѳедоръ Фроловичъ Цвѣтаевъ, человѣкъ весьма недюжинный и владѣвшій такою удивительною памятью, какою щеголять могутъ лишь въ крайне ограниченномъ числѣ избранники. Память его была до того изумительна, что давала ему возможность безошибочно, наизустъ, безъ всякой справки, указывать на страницы различныхъ мѣстъ изъ огромныхъ сочиненій и знать въ тончайшихъ подробностяхъ исторію каждаго маломальски рельефнаго изданія изъ числа тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ, какіе составляли библіотеку покойнаго А. Ф. Смирдина, лучшую въ городѣ. Къ тому же онъ до того сроднился съ этими книгами и размѣщеніемъ ихъ въ книгохранилищѣ, что зналъ, гдѣ которая изъ нихъ на полкахъ стоитъ и указывалъ ее своимъ юнымъ помощникамъ-мальчикамъ безъ запинки и затрудненія. Я былъ изъ числа многочисленныхъ посѣтителей, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, который пользовался добрымъ расположеніемъ, впрочемъ довольно угрюмаго и не слишкомъ-то общительнаго Ѳедора Фроловича, котораго въ то время зналъ и уважалъ весь читающій и въ особенности литературно-работающій Петербургъ, почему въ статьѣ моей, которая исподволь мною на 1873 годъ подготовляется, подъ названіемъ: *„Петербургскія редакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“*, воспоминаніе о Ѳедорѣ Фроловичѣ займетъ не послѣднее мѣсто.

Пользуясь моимъ ежедневнымъ журналомъ, вспоминаю теперь, что 26 Ян-

*) Чѣмъ наѣсться и напиться.

варя 1837 года, я, имѣя порученіе отъ начальства, собрать свѣдѣнія печатныя и практическія (послѣднія, разумѣется, посредствомъ тогдашняго моего благопріятеля директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища М. А. Байкова) объ огородномъ производствѣ для составленія проекта записки о полковыхъ огородахъ,—зашелъ въ библіотеку Смирдина и принялся за каталогъ, дѣлая изъ него многочисленныя выметки. Вдругъ Ѳедоръ Фроловичъ, какъ бы ни къ селу-ни къ городу, спросилъ меня:

„А что, В*** П***, давно ли вы видѣлись съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ?“

— „Да ужъ давненько, отвѣчалъ я, недѣли три-четыре будетъ, кажется. Заѣзжалъ въ новый годъ, да они нынче, видно, по знатному, не принимаютъ. А что?„

— „Какъ что? да вы развѣ не знаете, продолжалъ Ѳедоръ Фроловичъ, по обыкновенію своему угрюмо, вѣдь онъ пораженъ страшнымъ ударомъ: его второй сынъ, этотъ молоденькій студентикъ, Николай, послѣ кратковременной болѣзни, умеръ третьяго дня; завтра его хоронятъ. Неужели вы ничего не знали? Понимаю! Тамъ, говорятъ, предоставлены разныя распоряженія по приглашеніямъ вашему недругу, Володѣ Строеву, этому „лѣвому Гречеву глазу съ бѣльмомъ“, какъ прозвалъ его хромой бѣсъ Воейковъ, и вотъ этотъ-то господинъ, видно, нарочно не послалъ къ вамъ билета, чтобы отсутствіе ваше произвело на отца непріятное впечатлѣніе и чтобы потомъ этимъ самымъ можно было васъ получше почернить въ глазахъ довѣрчиваго и слабохарактернаго Николая Ивановича. Поѣзжайте же туда, поѣзжайте непремѣнно, и постарайтесь, чтобы васъ тамъ видѣли“.

Меня очень поразило это извѣстіе, потому что хотя Коля Гречъ, восемнадцатилѣтній юноша, годами семью былъ меня моложе; но я искренно, отъ глубины души, любилъ его и находилъ неподдѣльное наслажденіе въ умно-веселой бесѣдѣ и любезномъ обращеніи этого не по лѣтамъ развитаго и образованнаго молодаго человѣка, въ которомъ самое дѣльное развитіе сочеталось съ милымъ, беззаботнымъ характеромъ и постоянною натуральною оживленностью, дѣйствовавшею на всѣхъ какъ-то заразительно. Онъ былъ стольже какъ его отецъ остроуменъ, съ тою однако разницею, что его остроуміе никогда никого не ранило, не оскорбляло, а, напротивъ, въ самой шуткѣ и даже насмѣшкѣ его, слышалось всегда какое-то необыкновенное добродушіе и милое простосердечіе. Не будучи поразительнымъ красавцемъ, этотъ розовый, свѣтло-кудрый юноша былъ очень недуренъ собою, и его симпатичные большіе, темноголубые глаза оставляли невольно пріятнѣйшее впечатлѣніе въ каждомъ человѣкѣ, не лишенномъ эстетическаго чувства и любви ко всему истинно прекрасному. Ежели бы смерть не сразила его на девятнадцатомъ году жизни, изъ него вышелъ бы замѣчательный литературный дѣятель или превосходный драматическій артистъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ цвѣтущаго здоровьемъ и вполнѣ веселаго и счастливаго 6-го Декабря 1836 года въ Николинъ день, когда, не смотря на то, что Гречъ и его семейство были лютеране, отецъ и сынъ праздновали день своего Ангела по православному обычаю. На этотъ разъ именины Николая Ивановича и Николая Николаевича праздновались какъ-то особенно блистательно: съѣхалось безчисленное множество гостей, такъ что и большая зала, и зала-кабинетъ были заняты столами, за которыми обѣдало до двухсотъ человѣкъ. Передъ концомъ обѣда принесена была и подана Гречу цидулочка съ поздравленіемъ знаменитаго Пушкина. Тогда, конечно, никто не могъ подозрѣвать того ужаснаго событія, которое лишитъ черезъ полтора мѣсяца Россію одной изъ рельефнѣйшихъ ея знаменитостей. Впрочемъ, въ это время нѣкоторые знавшіе Пушкина и, между прочими, А. Ѳ. Во-

ейковъ, говорили мнѣ, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ былъ постоянно далеко не такъ веселъ и оживленъ, какимъ видѣлъ я его прежде и даже за мѣсяцъ предъ тѣмъ на пятничномъ вечерѣ у А. Ѳ. Воейкова (См. „Мое знакомство съ Воейковымъ“ № 11 „Р. Вѣстн.“ 1871) какая-то туча была на челѣ великаго поэта. Алексѣй Николаев. Гречъ, старшійсынъ Греча(впослѣдствіи женившійся на разведшейся съ знаменитымъ Карломъ Брюловымъ красавицѣ, урожденной Тимъ, сестрѣ извѣстнаго художника и издателя „Художественнаго Листка“) а также покойный братъ Греча Павелъ Ивановичъ, тогда полковникъ Л. Гв. Финляндскаго полка, разсказывали мнѣ во время имениннаго праздника, 6-го Декабря, что за два дня до имянинъ у Николая Ивановича 4 Декабря праздновались имянины его жены Варвары Даниловны и вмѣстѣ съ тѣмъ день рожденіе одной изъ дочерей. Замѣчательно, что Гречъ и семейство его лютеране, а жена реформатка или кальвинистка, какъ я уже и замѣтилъ, имѣли странное обыкновеніе праздновать порусски свои имянины, дѣлаясь на эти дни православными. Въ домѣ Греча былъ семейный праздникъ, на которомъ были почти все свои, родные. Часовъ въ девять вечера, проѣзжая по Мойкѣ изъ Коломны въ Англійскій клубъ (бывшій тогда въ Демидовомъ переулкѣ) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ увидѣлъ сильное освѣщеніе у Греча и, думая найти у него литературное сборище объ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара, заѣхалъ изъ любопытства на минутку; но неожиданно попалъ на семейный праздникъ и былъ особенно восторженно принятъ своимъ страстнымъ поклонникомъ Колей Гречемъ, который не отставалъ отъ него и которому Пушкинъ выражалъ свою искреннюю симпатію. Пушкинъ не отказался отъ бокала шампанскаго и просилъ Колю прочесть отрывокъ изъ его „Бориса Годунова“, восхищался дикціей и вѣрностью интонаціи и предрекалъ, что изъ этого мальчика долженъ образоваться второй Гаррикъ или Тальма. Это послѣднее предсказаніе Пушкина (какъ говорили тогда домашніе Греча и въ томъ числѣ мнѣ собственно одна изъ его молоденькихъ родственницъ Розалія Р****тъ, съ которой я часто танцовывалъ на вечерахъ) очень не полюбилось тогдашней женѣ Греча, немножко жеманной и педантичной, но доброй Варварѣ Даниловнѣ, которая по поводу этого предсказанія сказала: „Ces poètes ont toujours des idées si barroques!“ (У этихъ поэтовъ всегда такія вычурныя идеи). Какъ бы то ни было, а Пушкинъ, какъ замѣтили многіе, былъ не въ своей тарелкѣ, и нѣкоторые тутъ же на вечерѣ относили это къ тому, что онъ, въ качествѣ камеръ-юнкера, долженъ былъ бывать на частыхъ церемоніяхъ во дворцѣ, чрезъ что утомлялся физически и нравственно. Но позднѣйшія событія злополучной катастрофы 27-го Января 1837 года уже въ концѣ 1836 года послужили поясненіемъ этой мрачной задумчивости, которая отразилась на всемъ лицѣ впечатлительнаго поэта и заставила его въ нѣсколько дней постарѣть на нѣсколько лѣтъ. Пробывъ 4 Декабря у Греча съ полчаса, Пушкинъ удалился. Гречъ самъ проводилъ его въ прихожую, гдѣ лакей Пушкина подалъ ему медвѣжью шубу и на ноги надѣлъ мѣховые сапоги.—„Все словно бьетъ лихорадка, говорилъ онъ, закутываясь, все какъ-то вездѣ холодно и не могу согрѣться; а порой вдругъ невыносимо жарко. Нездоровиться что-то въ нашемъ медвѣжьемъ климатѣ. Надо на югъ, на югъ!...“ Онъ это быстро говорилъ въ прихожей, куда за нимъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, его братомъ и сыновьями, высыпало нѣсколько человѣкъ веселившейся молодежи. Юноша Коля Гречъ, прощаясь съ Пушкинымъ, тутъ же сказалъ ему совершенно безсознательно, по видимому: „Ахъ ежели бы мнѣ привелось увидѣть васъ, Александръ Сергѣевичъ, въ цвѣтущихъ долинахъ этого юга, куда вы хотите поѣхать!“—

„Гора съ горой не сходится, замѣтилъ, какъ-то грустно улыбаясь, Пушкинъ, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется. До свиданія, Тальма en herbe!“ И онъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ сѣсть въ карету, а Коля сбѣжалъ за нимъ и провожалъ, до тѣхъ поръ пока Пушкинъ не сѣлъ въ экипажъ. На дворѣ было холодно, градусовъ не менѣе двадцати, т. е. зимній Николинъ день того года вполнѣ оправдывалъ поговорку простонародья: „Никола съ гвоздемъ“. Возвратясь съ мороза въ теплыя комнаты, вѣтренный Коля вмѣсто того, чтобы тотчасъ выпить чего нибудь горячаго, отказался отъ чашки шоколада, разносимаго въ это время гостямъ, вмѣстѣ съ десертомъ, и порывисто устремился къ подносу, на которомъ высилась bombe à la Sardanapale изъ превосходнаго разноцвѣтнаго мороженаго и наложилъ себѣ его цѣлую хрустальную тарелочку. Потомъ, когда нанятый скрипачъ, сопровождавшій повсюду тогдашняго танцовальнаго учителя Дютака, напился такъ пьянъ пуншемъ, что, какъ говорится, лыкомъ не вязалъ, —къ ройялю, въ огромной залѣ, сѣлъ извѣстный въ то время фортепіанный учитель, бывшій впослѣдствіи содержателемъ музыкальнаго магазина, и понынѣ носящаго его фирму, Бернаръ, и заигралъ веселый вальсъ. Тотчасъ Коля взялъ одну изъ сестеръ и полетѣлъ съ нею, а за нимъ всѣ молодые люди, тутъ бывшіе, за тридцать пять лѣтъ предъ симъ находившіе въ танцахъ то чего въ нихъ нынче молодежь не находитъ, — поэтическое наслажденіе. Однако танцы подъ фортепіано что-то не клеились, и мало по малу общество разъѣзжалось, претекстуя, большею частью, зовъ на именинные вечера къ Русскимъ Варварамъ, pure sang, а Коля Гречъ продолжалъ злоупотреблять мороженымъ, увѣряя всѣхъ, что нѣтъ ничего лучше этихъ ледяныхъ комковъ противъ мучительнаго внутренняго жара. Было ль, не было ль это началомъ болѣзни, только помню, что я Колю Греча встрѣтилъ послѣ 6-го Декабря какъ-то на Невскомъ передъ Рождественскими праздниками и нашелъ, что онъ далеко не такой розовенькій, какимъ я его привыкъ видѣть. Онъ отвѣчалъ мнѣ на мой вопросъ о его здоровьи, что ему что-то не здоровится эту пору послѣ именинъ; но, что это все пустяки и, конечно, скоро пройдетъ. Во время Рождественскихъ праздниковъ, я во Французскомъ книжномъ магазинѣ Белизара (что нынѣ Мелье) въ д. Голландской церкви, выбиралъ хорошенькую, конечно, не слишкомъ дорогую книжку для кого-то изъ знакомыхъ малютокъ, и тутъ столкнулся съ старшимъ сыномъ Греча Алексѣемъ Николаевичемъ, находившимся тогда на службѣ въ качествѣ переводчика въ редакціи Journal de St. Pétersbourg. Онъ мнѣ передалъ, что братъ его, Коля, совсѣмъ нездоровъ и не выходитъ изъ комнаты. Я заѣхалъ къ Гречу въ первый день Новаго (1837) года. Въ тѣ времена было въ обычаѣ не принимать дѣлающихъ лично церемонные визиты, чтобъ не тревожить ихъ безпрестаннымъ скидываніемъ и надѣваніемъ шубъ, такъ какъ при большомъ знакомствѣ приходилось дѣлать до сотни въ день заѣздовъ. Я отдалъ человѣку въ передней мои визитныя карточки и спросилъ о здоровьи Николая Николаевича. Слуга отвѣчалъ, что всю пору сидѣли дома, а сегодня выѣхали съ визитами къ попечителю и къ ректору Университета, да еще въ два-три знакомыхъ дома.

— „Ну, значитъ, болѣзнь прошла“, подумалъ я и вовсе не безпокоился объ Колѣ Гречѣ, почему тѣмъ больше 26 Января поразила меня вѣсть о его смерти, переданная мнѣ Цвѣтаевымъ.

Все эти мысли и воспоминанія наполняли мою голову, пока я шелъ по Мойкѣ отъ Полицейскаго моста къ дому Греча, на Мойкѣ же противъ самаго пѣшеходнаго почтамскаго мостика рядомъ съ громаднымъ Юсуповскимъ палаццомъ *).

*) Нынче весь этотъ домъ, принадлежащій другому владѣльцу, занятъ подъ огром-

Съ грустнымъ чувстомъ вошелъ я въ переднюю, гдѣ засталъ въ это время одного только стараго слугу Греча, хорошо извѣстнаго всѣмъ знакомымъ и вообще посѣтителямъ Николая Ивановича. Плёрёзы на воротникѣ и на рукавахъ чернаго платья этого преданнаго слуги, носившаго Колю нѣкогда на рукахъ, произвели на меня непріятное впечатлѣніе съ первой минуты моего входа въ этотъ домъ скорби. Старикъ узналъ меня тотчасъ и, принявъ мою шубу, повѣшенную имъ на вѣшалку, сказалъ, замѣтивъ разстройство на моемъ лицѣ:

— „Вы, конечно, все знаете и пришли проститься съ нашимъ ангельчикомъ“. И добрый человѣкъ, не выдержалъ, залился слезами. Я не могъ удержать моихъ слезъ, и съ участіемъ обнялъ этого вѣрнаго и преданнаго служителя, который продолжалъ: — „Вы, сударь, „никого изъ семейства теперь не увидите: всѣ умаялись эти дни ужасно, и докторъ далъ даже Николаю Ивановичу какихъ-то капель, чтобъ онъ могъ заснуть. И вотъ теперь онъ, бѣдный, у себя на верху въ спальнѣ спитъ. Алексѣй Николаевичъ поѣхалъ по этимъ все дѣламъ, по похороннымъ-то; Варвара Даниловна совсѣмъ расхворались, Катерина Ивановна (т. е. сестра Греча) все хлопочетъ и мечется изъ угла въ уголъ; а дѣвицы наши (т. е. дочери Греча) гостятъ у дядюшки, у генерала-то Андрея Яковлевича (Ваксмута)“. Все это старикъ мнѣ разсказывалъ передъ самыми дверями кабинета-залы, запертыми на ключь.

—„Лишняго люда, толковалъ старикъ, бережно отворяя дверь, Николай Ивановичъ-то не приказали пускать смотрѣть на нашего покойника. У насъ у Русскихъ, конечно, обычай тотъ, что на покойника глазѣть, словно на чудо какое всѣ идутъ; а у нихъ, у лютеранъ, другіе, изволите видѣть, порядки: они не такъ-то любятъ, когда люди изъ одного любопытства только смотрятъ на ихъ усопшаго“.

Огромная зала-кабинетъ, въ которой я такъ часто проводилъ пріятно вечера, на этотъ разъ была не совсѣмъ свѣтла, потому что всѣ окна ея и стеклянная дверь на балконъ въ садъ были завѣшаны бѣлыми сторами, зеркала обтянуты были чернымъ коленкоромъ, равно и какія только были тутъ картины. Большой столъ былъ сдвинутъ къ самой двери и освобожденъ отъ книгъ и бумагъ, а подлѣ стола стояла длинная темнозеленая кушетка, въ головахъ которой было поставлено довольно большое серебряное распятіе на черномъ постаментѣ, въ видѣ гранитнаго камня. На кушеткѣ этой лежалъ во весь ростъ, прямо и граціозно, словно заснулъ отъ усталости, Коля Гречъ въ своемъ студентскомъ мундирѣ съ васильковымъ воротникомъ и золотыми петлицами. Руки въ бѣлыхъ перчаткахъ были скрещены на груди. На покойникѣ не было никакого покрова, кромѣ легкой бѣлой дымки, которую старикъ-служитель бережно снялъ съ тѣла, и тогда, указывая мнѣ на сапоги покойника, сказалъ шопотомъ: „Въ послѣдній разъ ужъ со всѣмъ моимъ усердіемъ постарался для моего голубчика молодаго барина, и ужъ такъ вычистилъ, какъ, право, кажется, при жизни его никогда не чистилъ“. При другихъ обстоятельствахъ, наивность эта, можетъ быть, разсмѣшила бы меня; но на этотъ разъ я не могъ смѣяться, да и вообще относиться легко къ чему бы то ни было. Я глядѣлъ на милаго усопшаго юношу, такъ много обѣщавшаго и заявившаго о себѣ въ жизни уже столько хорошихъ задатковъ прекраснаго будущаго. Болѣзнь и смерть не успѣли обезобразить милыя черты этого добраго, слегка улыбавшагося тогда, какъ бы восковаго лица, съ закрытыми глазами, окаймленными длинными вѣками.

Рѣдко случается видѣть такого изящнаго покойника, какимъ былъ этотъ рановременно скончавшійся юноша. Онъ

ную центральную кассу частной купли и продажи.

нисколько, кромѣ нѣкоторой желтоватой прозрачности нѣжной кожи на лицѣ, не былъ похожъ на мертваго. Вся кушетка, на которой онъ лежалъ, покрыта была множествомъ гирляндъ, вѣнковъ и букетовъ изъ натуральныхъ цвѣтовъ, которые въ разнообразныхъ вазахъ и сосудахъ разставлены были въ нѣсколько рядовъ на столѣ. Это были, большею частью, луковичныя цвѣтущія растенія, наполнявшія огромную комнату своими ароматами; а нѣсколько тропическихъ растеній у самаго изголовья и въ ногахъ склоняли свои громадные листья надъ покойнымъ, который, при жизни, страшно любилъ цвѣты, растенія и вообще все относящееся къ ботаникѣ. Я довольно долго любовался добрымъ Колей, свѣтлорусые кудри котораго, завитые самою природою, лежали слегка разметавшись на бѣлой атласной подушкѣ и, казалось, что вотъ сейчасъ онъ отворитъ этотъ пріятный ротикъ, теперь слегка закрытый и все таки улыбающійся, до того, что на щекахъ остались слѣды ямокъ.

—„Вотъ, шепталъ старикъ-слуга, вотъ такъ онъ и умиралъ, сердечный, все улыбался, увѣряя, что ему хорошо, очень хорошо; но потомъ, обращаясь къ отцу, сказалъ: „Увидишь Пушкина, Александра Сергѣевича, скажи ему, что Богу не угодно было, чтобы я пошелъ на театральную сцену, потому что я ухожу не въ театральную, а въ настоящую жизнь“.—Что онъ, сердечный, хотѣлъ этимъ сказать, я ничего не понялъ; но все таки я записалъ себѣ на память въ календарѣ на листочкахъ эти его слова и не забуду ихъ. Вотъ поуспокоится Николай Ивановичь, такъ я спрошу его, что это была за притча такая?“

Поцѣловавъ нѣсколько разъ въ холодный лобъ милаго Колю, сотворивъ крестное знаменіе по православному обычаю и даже склонясь на паркетъ, къ великому удовольствію старика слуги, который и самъ при этомъ исполнялъ тоже, казалось, съ чувствомъ особеннаго наслажденія,—я вышелъ въ передъ-залу, а старикъ-слуга заперъ снова бережно дверь на ключь.

— „Когда хоронятъ?“, спросилъ я.

— „Завтра часа въ четыре по полудни, отвѣчалъ словоохотливый служитель, пріѣдетъ Нѣмецкій пасторъ, и при немъ въ гробъ положатъ. Гробъ чорный бархатный, весь какъ облитый серебряными басонами, готовъ у гробовщика еще со вчера; да вотъ Николай Ивановичь не хотятъ въ гробъ покойничка положить. Они говорятъ: „Пока Коля лежитъ на кушеткѣ, мнѣ все сдается, что онъ еще встанетъ; а ежели ляжетъ въ гробъ, то уже конецъ всякой надеждѣ на воскресеніе.“ Они не велѣли и на столъ-то класть тѣло, а чтобъ лежало вотъ какъ есть теперь на кушеткѣ, именно на той, на которой покойничекъ любилъ отдыхать, когда бывало вернется съ катка, что ли. Охъ! ужъ этотъ катокъ!“ *)

— „А что, спросилъ я машинально.

— „Да то-съ, отвѣчалъ онъ, что, кажется, Николай Николаевичь и простуду-то схватилъ на каткѣ этомъ проклятомъ. Впрочемъ началась-то простуда у него поистинѣ съ 4 Декабря, т. е. съ того самаго вечера какъ наканунѣ именинъ, когда у насъ танцы были, пріѣзжалъ этотъ сочинитель-то Пушкинъ къ намъ, а нашъ-то молоденькій баринъ проводилъ его до экипажа. На дворѣ было холодно, да вѣтрено таково: онъ и схватилъ себѣ болѣзнь, да подмогъ ей еще этимъ проклятымъ каткомъ, о которомъ нашъ Ѳадей Венедиктовичь похвалы расписываетъ въ нашей „Пчелкѣ,“ а самъ, не бось, не пускается на немъ кататься:

---

*) Въ тѣ времена обычай кататься на конькахъ въ публикѣ еще не входилъ въ моду, и былъ во всемъ Петербургѣ только одинъ всего катокъ, принадлежавшій какому-то Англійскому обществу конькобѣжцевъ и устроенный на Невѣ противъ Англійской набережной. Но и въ то время Булгаринъ въ своемъ субботнемъ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы“ настаивалъ постоянно на пользѣ и необходимости этого упражненія.

боится видно, что жиру-то у него тогда сойдетъ знатно."

На слѣдующій день, 27 Января, я, облекшись въ приличный, по тогдашнимъ понятіямъ, трауръ, т. е. весь въ черномъ до перчатокъ включительно, въ бѣломъ галстукѣ, съ чернымъ крепомъ на шляпѣ-цилиндрѣ и съ большимъ крепо вымъ бантомъ на правомъ обшлагѣ фрака, часу въ пятомъ, явился въ домъ Н. И. Греча, гдѣ нашелъ бѣднаго этого отца въ самомъ убійственномъ состояніи нравственной убитости. Онъ, бѣдный, казалось мнѣ, постарѣлъ вдругъ на нѣсколько лѣтъ и безпрестанно бросался къ покойнику, уже положенному въ гробъ. Стеченіе посѣтителей было огромное: всѣ родственники, друзья и знакомые (а послѣднихъ у Греча было множество) почти весь городъ, и, достойно вниманія, что не было почти человѣка, который не раздѣлилъ бы съ Николаемъ Ивановичемъ искренно его печали. Особенно рельефно и трогательно проявлялись студенты здѣшняго университета, все молодёжь такая прекрасная, впечатлительная и державшая себя съ милою юношескою задушевностью. Гробъ былъ поставленъ на колесницу съ балдахиномъ, и она двинулась, предшествуемая факельщиками съ настоящими дымящимися факелами, потому что въ то время нынѣшнихъ фонарей (нововведенія начала пятидесятыхъ годовъ) еще не было. Студенты окружали колесницу съ обѣихъ сторонъ, а за гробомъ тотчасъ шло семейство съ громадною толпою посѣтителей, въ числѣ которыхъ я увидѣлъ, кромѣ многихъ изъ пишущей братіи, почти всѣхъ драматическихъ артистовъ сценъ Русской Французской и Нѣмецкой; сверхъ того тутъ было не мало музыкантовъ, живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ. Однимъ словомъ, кажется, весь интеллектуальный и артистическій Петербургъ находился на этомъ трогательномъ погребеніи, и каждый старался показаться кому нибудь изъ членовъ семейства, чтобы быть замѣченнымъ и чтобы чрезъ то выразить какъ свои симпатіи къ покойному юношѣ, такъ и заявить горестному отцу и всему семейству свое искреннее участіе въ этой потерѣ. У лютеранъ въ церкви гроба не открываютъ, почему Гречъ и всѣ близкіе къ усопшему окончательно простились съ нимъ еще на дому, гдѣ крышка гроба была уже навсегда завинчена.

Скрежетъ винтовъ дѣйствовалъ на всѣхъ предстоявшихъ, болѣе или менѣе уже разстроенныхъ, самымъ непріятнымъ образомъ. Это была самая страшная для родителей и родственниковъ минута. Николай Ивановичъ нѣсколько минутъ оставался въ обморокѣ. Когда его привели въ чувство, то доктора (а ихъ тутъ было множество) уговаривали его остаться дома, лечь въ постель и не ѣздить ни въ церковь, ни на кладбище. Но послѣ обморока, онъ вдругъ какъ будто оживился и воскликнулъ: „Я не только буду сопровождать Колю моего до послѣдняго его жилища, но ни за что не сяду въ карету, а непремѣнно пойду пѣшкомъ: это даже будетъ мнѣ полезно". И дѣйствительно, видно это было ему хорошо, потому что Николай Ивановичъ, не взирая на то, что зимній день былъ довольно холодный, хотя и совершенно безвѣтренный, все время шелъ отъ своего дома до Петропавловской церкви на Невскомъ проспектѣ близь Полицейскаго моста, безъ шляпы, въ легкой шубѣ въ накидку и, съ свойственною ему словоохотливостью, бойко хотя и въ полголоса разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ лицъ, къ нему подходившихъ, разумѣется, преимущественно, о сынѣ, котораго онъ страстно любилъ и котораго такъ преждевременно лишился, именно въ ту минуту когда только что началъ возлагать надежды на улыбавшуюся ему блестящую будущность. Достойно вниманія, что карьера знаменитаго драматическаго артиста, которую за полтора почти мѣсяца предъ тѣмъ, 4-го Декабря 1836 года, предрекалъ ему Пушкинъ, вовсе не казалась Гречу для сына его невозможною и, идучи за гробомъ своего Коли,

онъ объ этомъ говорилъ съ окружавшими его, вспоминая порученіе, данное ему покойнымъ за немного часовъ до конца, о томъ, чтобъ сказать Пушкину, что „ему не удалось войти въ театральную, лицедѣйную жизнь, потому что онъ уходитъ въ жизнь настоящую, въ которой нѣтъ ничего лицедѣйнаго". При этомъ Гречъ спросилъ: „Послано ли было приглашеніе къ Александру Сергѣевичу? Онъ такъ любилъ Колю моего!"

— „Какъ же, было послано съ курьеромъ изъ нашего министерства, а не по городской почтѣ", сказалъ Николай Ивановичъ Юханцовъ, служившій тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Греча, по редакціи Journal de St. Pétersbourg помощникомъ редактора, графа Сансе.

— „Но только, продолжалъ Юханцовъ конфиденціально, какъ мнѣ говорилъ курьеръ, котораго я посылалъ къ Александру Сергѣевичу, тамошнее лакейство ему сказывало, что ихъ баринъ эти дни словно въ какомъ-то разстройствѣ: то пріѣдетъ, то уѣдетъ куда-то, загонялъ нѣсколько парныхъ мѣсячныхъ извощиковъ, а когда бываетъ дома, то свищетъ нѣсколько часовъ сряду, кусаетъ ногти, бѣгаетъ по комнатамъ. Никто ничего понять не можетъ, что съ нимъ дѣлается".

— „Вѣрно, пишетъ новую поэму", сказалъ Гречъ, никуда столько дней не выѣзжавшій, а потому и не знавшій ничего о тогдашнихъ городскихъ слухахъ, противъ своего обычая знать все первому.—„Я знаю, онъ обыкновенно такъ ведетъ себя, пока новое произведеніе создается въ головѣ его. Ежели онъ что нибудь превосходное напишетъ, не въ родѣ, конечно, всего того, что по червонцу за стихъ недавно продавалъ нашему добрѣйшему Александру Филиповичу (Смирдину) *), да напечатаетъ въ своемъ „Современникѣ" хоть въ видѣ приложенія, то журналъ этотъ вдругъ дойдетъ до десяти или двѣнадцати тысячъ подписчиковъ. Ежели Сведенборгисты не врутъ, и душа дѣйствительно живетъ такою же загробною жизнью, какъ мы здѣсь, то моему Колѣ будетъ наслажденіе прочесть на томъ свѣтѣ въ его новой жизни то, что написалъ оставшійся здѣсь обожаемый имъ Пушкинъ".

Николай Ивановичъ Юханцовъ, облагодѣтельствованный Гречемъ и сильно къ нему привязанный, всегда отличавшійся холодностью формъ, имѣвшихъ въ себѣ много педантичнаго и напускнаго, искренно любилъ Греча, а потому, замѣтивъ изъ этихъ словъ его расположеніе къ собесѣдованію, долженствовавшему разсѣять его мрачныя мысли, сказалъ полутаинственно, что въ городѣ относительно А. С. Пушкина идутъ иные толки, а именно, что поговариваютъ о какихъ-то домашнихъ, очень прискорбныхъ, недоразумѣніяхъ, о какихъ-то подметныхъ и другихъ письмахъ, даже толкуютъ, что все это можетъ кончиться дуэлью между Пушкинымъ и какимъ-то кавалергардскимъ офицеромъ Дантесомъ, который приходится, съ лѣвой стороны, близкою родней, просто побочнымъ сыномъ Голландскому посланнику барону Гекерену.

Эта городская сплетня могла бы, конечно, больше заинтересовать Греча, даже во время печальнаго шествія за гробомъ сына; да дѣло въ томъ, что разсказъ Юханцова совпалъ именно съ тою минутою, когда церемонія остановилась у портала Петропавловской церкви, и множество лицъ бросилось къ гробу, чтобъ внести его въ церковь и поставить на возвышенный катафалкъ, противъ котораго съ каѳедры пасторъ

*) Это могъ быть намекъ на слабѣйшее изъ самыхъ слабыхъ произведеній А. С. Пушкина, именно поэму „Анжело" съ безчисленнымъ множествомъ стиховъ, оплаченныхъ по червонцу, что составило, какъ тогда говорили, сумму вдвое бо́льшую той, какую до тѣхъ поръ Пушкинъ выручилъ продажею права изданія книгопродавцамъ за всѣ свои безсмертныя творенія. В. Б. Пушкинъ, напротивъ, рѣдко довольный своими произведеніями, очень высоко цѣнилъ „Анжело". *П. Б.*

произнесъ свою рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ, полную чувства и высокихъ христіанскихъ понятій.

По окончаніи рѣчи, продолжавшейся, (по обычаю Нѣмецкихъ пасторовъ) почти до семи часовъ, покрытый гирляндами и вѣнками гробъ, снятый съ катафалка, былъ снова принятъ множествомъ посѣтителей. Проталкиваясь въ толпѣ довольно густой, чтобъ участвовать въ отданіи послѣдняго долга покойному, столь любимому мною, юношѣ, я нечаянно очутился на томъ мѣстѣ въ головахъ, гдѣ придерживалъ посеребренную скобу скорбный отецъ, предавшійся въ это время снова всей своей горести. Публики было такъ много, что несшимъ гробъ двигаться было трудно, какъ ни старались студенты, бывшіе, бо́льшею частью, въ ногахъ, раздвигать толпу, прося всѣхъ посторониться. Мы шли шагъ за шагомъ. Въ это время Гречъ взглянулъ въ сторону и увидѣлъ меня. Замѣтивъ на лицѣ моемъ искреннее разстройство, а не напускную печаль и увидѣвъ, что глаза мои были красны и опухли отъ слезъ, которыхъ я не могъ удержать, Николай Ивановичъ привѣтливо протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „Спасибо! Вы одинъ изъ тѣхъ, которые всею душею любили моего Колю. Я слышалъ, вы вчера посѣтили его и долго оставались при немъ. Спасибо, спасибо! Всѣмъ, всѣмъ благодаренъ отъ души! Это стеченіе здѣсь всѣхъ любившихъ моего Колю хоть сколько нибудь успокоиваетъ меня. Надо испытать горе, чтобъ узналь друзей“. Онъ говорилъ это, плача почти на взрыдъ. Кто-то, не помню, кажется ежели не ошибаюсь, генералъ Андрей Яковлевичъ Ваксмутъ, который былъ женатъ на меньшой сестрѣ Греча, умершей за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, сказалъ ему, что въ числѣ посѣтителей, провожающихъ Колю, явились даже тѣ, которые считаются его журнальными врагами, и что это доказательство того, что война изъ за мнѣній не измѣняетъ чувствъ человѣческихъ въ людяхъ порядочныхъ.

— „Тѣмъ болѣе мнѣ жаль, отозвался Николай Ивановичъ, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго боготворилъ мой Коля, о которомъ онъ говорилъ въ послѣдніе часы своей жизни, не захотѣлъ почтить сегодня насъ своимъ присутствіемъ. Но вѣдь всѣ эти господа-аристократы мнятъ о себѣ такъ много и считаютъ себя людьми другой кости“.

Въ этотъ моментъ произошло какое-то движеніе, совершенно неожиданное; сбоку чрезъ толпу кто-то пробирался съ великимъ усиліемъ, чрезъ что толпа сперлась, сомкнулась близь гроба, и я, совершенно неожиданно для себя, былъ оттѣсненъ въ сторону, такъ что волею неволею долженъ былъ податься назадъ къ самому катафалку и никакъ не могъ разглядѣть, кто именно подошелъ къ Гречу и сказалъ тогда ему довольно громко:

— „Николай Ивановичъ! Не грѣшите на бѣднаго Пушкина, не упрекайте его въ аристократизмѣ, благодаря которому теперь, когда вы здѣсь оплакиваете сына, вся Россія оплакиваетъ Пушкина. Да, — онъ сегодня дрался на дуэли и палъ отъ смертельной пули, которую не могли вынуть *).

Тогда до слуха моего дошли слова Греча: „Велика, ужасна моя потеря, но потеря Пушкина Россіею ни съ какою частною горестью не можетъ быть сравнена. Это несчастіе нашей литературы! Это народная утрата!“... Дальнѣйшихъ словъ я не могъ разслышать за сдѣлавшимся смятеніемъ, среди котораго раз-

*) Въ то время я уже велъ мой ежедневникъ; но тогда, конечно, и въ голову мнѣ не приходило, что эти „Записки“, когда нибудь, 35 или болѣе лѣтъ спустя, будутъ въ печати, какъ мои личныя „Воспоминанія“. Ежели бы я имѣлъ это въ виду, то, конечно, справился бы подробно о томъ, кто именно былъ этотъ вѣстникъ. Суматоха, произведенная въ то время извѣстіемъ о смерти Пушкина, который тогда впрочемъ былъ еще только жестоко, хотя и смертельно, раненъ, не дала мнѣ возможности справиться, кто именно былъ этотъ вѣстникъ гибели нашего безцѣннаго поэта.

давались только слова, долетавшія до моего слуха: „Кто смѣлъ убить Пушкина? — Не можетъ быть, чтобъ это былъ Русскій человѣкъ!“—На это слышался отвѣтъ откуда-то: „Французъ Дантесъ, офицеръ нашей гвардіи и полотеръ въ аристократіи“. —„Смерть убійцѣ Пушкина!“

— „Не съ однимъ, съ сотнями ему придется стрѣляться. — Мы найдемъ его!“—Опять слышался голосъ и, какъ казалось мнѣ, все одинъ и тотъ же: „Онъ арестованъ, онъ на гауптвахтѣ“.— „Ему по военнымъ законамъ крѣпостныя работы“.—„Мы и въ Динабургѣ найдемъ его!“ Опять слышались голоса: „Это не возвратитъ Россіи Пушкина“.— „Русскіе люди отмстятъ иностранцу“.— Изъ толпы опять кто-то спокойно замѣтилъ: „Какъ иностранца, не давшаго присяги, его вышлютъ только за границу“.—„Наши пули и тамъ отыщутъ его!“, раздавались молодые голоса. —Мнѣ казалось, что у гроба милаго мальчика, съ которымъ Пушкинъ еще недавно былъ такъ благосклонно ласковъ, гремѣла месть за кровь невозвратимаго поэта. Въ этихъ отрывочныхъ восклицаніяхъ, въ эту торжественно-печальную минуту было что-то особенно торжественное и значительное.

Среди всей этой суматохи наконецъ гробъ вынесли изъ церкви и поставили на колесницу, которая медленнымъ шагомъ четырехъ траурныхъ лошадей двинулась къ кладбищу. Гречъ продолжалъ идти непосредственно за гробомъ; но онъ шелъ уже въ шляпѣ и разговаривалъ довольно громко и свободно съ окружавшими его о Пушкинѣ. Молодые студенты были очень раздражены и, какъ говорили тогда въ городѣ, это восторженное настроеніе на похоронахъ сына Греча, проявленное, при полученіи извѣстія (правда преждевременнаго) о смерти Пушкина, было основною причиною тѣхъ чисто-жандармскихъ мѣръ, какія 29 Января, въ день смерти Пушкина и потомъ 1-го Февраля, въ ночь выноса тѣла его въ Придворную Конюшенную церковь, были приняты правительствомъ, во избѣжаніе какой нибудь восторженной ребяческой демонстраціи.

Во время движенія погребальной процессіи по Невскому Проспекту, когда уже совершенно стемнѣло и фонари зажглись по улицамъ, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ тогдашнихъ моихъ по военному министеретву сослуживцевъ, Александръ Александровичъ Пейкеръ и предложилъ мнѣ отстать отъ церемоніи, тѣмъ болѣе, что съ нашей стороны долгъ покойному Колѣ отданъ; а вмѣсто путешествія на кладбище ѣхать теперь же въ домъ княгини Волхонской на Мойкѣ близь Пѣвческаго моста, гдѣ квартировалъ Пушкинъ, чтобъ узнать, точно ли онъ скончался или еще живъ. Я принялъ это предложеніе, и мы въ собственныхъ саняхъ Александра Александровича поѣхали къ означенному дому. Но мы нашли всю Мойку покрытую густыми толпами публики, среди которой тогдашніе полиціанты, въ треуголкахъ и красныхъ воротникахъ съ блестящимъ серебрянымъ шитьемъ, уговаривали публику не толпиться и расходиться. Оставивъ сани, мы съ Пейкеромъ осторожно протискивались въ толпѣ, поминутно слыша восклицанія, на право и налѣво: „Какая ужасная потеря!“ „Это цѣлое событіе!“—„И за какой вдоръ, за какое-то салонное недоразумѣніе“. — „Охъ! ужъ эти женщины, всему онѣ причина!“ — „Да, да, правду говаривалъ Фуше: „Cherchez la femme!“ — „Говорятъ, осталось четверо малютокъ.“ — „Да, онъ смертельно раненъ; но живъ еще.“—„Богъ милостивъ, проживетъ еще на радость Россіи: у меня вонъ братъ съ пулей въ груди прожилъ двадцать лѣтъ, только все страдалъ одышкой“. — „Оно такъ; но здѣсь пуля вошла въ кишки и, кажется, произвела гангрену.“ — „Пока я здѣсь толкаюсь, уже три флигель-адъютанта изъ дворца пріѣзжали.“ — „Государь Императоръ, слышно, очень опечаленъ“.— Прислушиваясь ко всѣмъ этимъ обры-

вочнымъ фразамъ, мы, наконецъ, пробрались къ самому подъѣзду, но на лѣстницу попасть никакъ не могли: тутъ стояли жандармы и полицейскіе офицеры и рѣшительно никого, безъ особаго приказа, не пускали. Стоя у подъѣзда, мы выжидали, не увидимъ ли кого изъ знакомыхъ, кто бы могъ дать намъ сколько нибудь точныя свѣдѣнія. Я узналъ сходившаго съ лѣстницы и садившагося въ сани свиты его величества генералъ-маіора Семена Алексѣевича Юрьевича, котораго встрѣчалъ иногда у тогдашняго Петербургскаго губернатора М. Н. Жемчужникова. Генералъ Юрьевичъ (за нѣсколько лѣтъ предъ симъ умершій въ чинѣ генерала отъ инфантеріи и совершенно слѣпой) состоялъ тогда при Особѣ Государя Наслѣдника Цесаревича. Садясь въ сани, ему поданные, онъ успѣлъ только сказать, обратясь ко мнѣ: „Надежда плохая! Больнаго я не видѣлъ; но Василій Андреевичъ (Жуковскій) въ отчаяніи. Ѣду во дворецъ разсказать Его Высочеству все, что знаю. Его Высочество очень, очень опечаленъ". — Спустя нѣсколько минутъ, къ подъѣзду подлетѣли сани парой съ пристяжной на отлётѣ, какъ тогда бо́льшею частью ѣздили въ Петербургѣ. Изъ саней выскочилъ флигель-адъютантъ въ треугольной шляпѣ съ поля съ чернымъ пѣхотнымъ султаномъ. Оказалось, что это бывшій однополчанинъ Александра Александровича Пейкера, служившаго прежде въ гвардіи и въ гвардейскомъ штабѣ. Они дружески поздоровались и шопотомъ что-то поговорили. Я только разслышалъ слова флигель-адъютанта: „Велѣно переговорить сейчасъ съ Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ и съ Николаемъ Ѳедоровичемъ. Oh! c'est une histoire, cousue d'intrigues! (О! это исторія, сплетенная изъ интригъ!)". — Послѣ этой краткой бесѣды шопотомъ, лицо добраго и чувствительнаго сослуживца моего, Александра Александровича приняло видъ еще болѣе прежняго грустный и даже какъ бы убитый. Онъ мнѣ только тихонько сказалъ: „Разскажу, когда будемъ одни". И онъ точно потомъ разсказалъ мнѣ отчасти то, что вскорѣ узналъ весь городъ и что впослѣдствіи, кажется, въ 1867 году, было подробно кѣмъ-то описано въ брошюрѣ, посвященной этому замѣчательному поединку, въ которомъ Пушкинъ очевидно искалъ смерти.

Мы уже собирались съ Пейкеромъ оставить нашъ постъ на подъѣздѣ квартиры умиравшаго поэта, какъ съ лѣстницы сбѣжалъ придворный лакей въ красной ливреѣ съ треуголкой въ галунѣ и крикнулъ на подъѣздѣ: „Карету лейбъ-медика Арендта". Придворная карета парой въ шорахъ, съ кучеромъ въ такой же треуголкѣ и красной ливреѣ, двинулась къ подъѣзду, гдѣ тотчасъ явился толстенькій, красный какъ ракъ Николай Ѳедоровичъ Арендтъ, всегда веселый и беззаботный, ласковый и простодушный, теперь нахмуренный и со слезами на глазахъ. Онъ привѣтливо, но печально отвѣчалъ на поклонъ знакомаго ему Пейкера и на вопросъ его: „Ну что, ваше превосходительство?", отвѣчалъ съ свойственною ему порывистостью:

— „Ну то, что очень плохо! Наша вся медицина ничего не сдѣлаетъ безъ царя Небеснаго. Земной же царь Русскій излилъ всю милость свою на страдальца и вниманіемъ своимъ помогаетъ бѣдному Александру Сергѣевичу. Чего добраго, царскія слова совершатъ чудо и возвратятъ Россіи Пушкина!".

— „Ура! ура! нашему Государю!", невольно вырвалось у Пейкера, когда карета Арендта отъѣзжала уже скорой рысью, а стоявшій около насъ неизвѣстный намъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ бекешѣ съ бобровымъ воротникомъ, бравый и, судя по длиннымъ усамъ, отставной военный, снявъ шляпу и махая ею, гаркнулъ: „Ура!", въ полной увѣренности, что Арендтъ сообщилъ хорошую вѣсть о здоровьи драгоцѣннаго больнаго. Толпа, запружавшая улицу, услышавъ этотъ родной возгласъ, при-

нялась орать „Ура!“, не зная въ чемъ дѣло, но также махая шапками и шляпами. Бывшій тутъ жандармскій полицейскій офицеръ, т. е. въ ярко-свѣтло-голубомъ мундирѣ безъ аксельбантовъ (какіе присвоены были тогда лишь жандармамъ III Отдѣленія) очень сконфузился этой внезапной демонстраціей и просилъ публику радоваться, не нарушая уличнаго благочинія. Пейкеръ, нечаянная причина этого шума, почувствовавъ неосторожность своего возгласа, хотя и основаннаго на самомъ патріотическомъ чувствѣ, шепнулъ мнѣ, что намъ пора по домамъ, и мы разстались съ милымъ и многолюбимымъ мною Александромъ Александровичемъ, съ которымъ увидѣлись на другой день, какъ водится, въ залахъ военнаго министерства, гдѣ въ этотъ и въ послѣдующіе дни, разумѣется, главнымъ предметомъ всѣхъ нашихъ разговоровъ былъ обожаемый всѣми нами Пушкинъ, скончавшійся, какъ извѣстно, 29 Января.

Памятенъ мнѣ день 27 Января 1837 года еще тѣмъ, что проведенный мною отчасти на похоронахъ искренно любимаго мною юноши, отчасти у подъѣзда дома, гдѣ умиралъ тогда безсмертный Русскій поэтъ, день этотъ законченъ былъ мною совершенно противуположно,—въ качествѣ будущаго шафера на сговорномъ вечерѣ тогдашняго моего хорошаго и короткаго пріятеля, съ которымъ я началъ службу мою въ 1828 году подъ общимъ начальствомъ Д. Г. Бибикова. Этотъ тогдашній мой пріятель, будучи въ тѣ дни секретаремъ при директорѣ департамента внѣшней торговли и редакторомъ „Коммерческой Газеты“, квартировалъ вмѣстѣ съ своею почтенною родительницею, незабвенною, и добрѣйшею и очень типичною старушкою Надеждою Григорьевною, въ домѣ Офросимова на углу Царицына Луга и Мойки, противъ театральнаго моста, въ третьемъ этажѣ, гдѣ были очень обширныя залы, и въ этихъ-то залахъ счастливый молодой женихъ, бывшій немного старше меня, принималъ свою, блиставшую юностью и миловидностью, невѣсту, только что оставившую учебную скамью Смольнаго монастыря, настоящую Смольяночку. Катастрофа, совершившаяся съ Пушкинымъ, не могла же, при всемъ благоговѣніи къ поэту, остановить семейное торжество въ домѣ, не связанномъ съ нимъ никакими родственными узами, кромѣ тѣхъ узъ искренняхо, глубокосердечнаго уваженія и любви, какія нравственно связывали всю мыслящую, интеллигентную Россіею съ поэтомъ. Во время сговорнаго бала мы всѣ часто вспоминали о Пушкинѣ и старались оправдать нашу веселость утѣшительными извѣстіями, полученными о состояніи здоровья несчастнаго поэта, которому впрочемъ въ ночь съ 27 на 28 Января дѣйствительно было получше, въ чемъ еще завѣрилъ всѣхъ насъ добрѣйшій Николай Ѳедоровичъ Арендтъ, другъ этого семейства, пріѣхавшій, какъ теперь помню, въ два часа ночи прямо къ ужину и кушавшій съ аппетитомъ, возбужденнымъ тревожнымъ днемъ и проблескомъ надежды на спасеніе Пушкина. Я передалъ при немъ тутъ же послѣдствія того „Ура!“, которое сорвалось у Пейкера вслѣдствіе его ему разсказа о милостяхъ къ Пушкину Императора, и добрякъ Николай Ѳедоровичъ смѣялся, говоря, что завтра же разскажетъ объ этомъ quiproquo ея величеству Государынѣ Императрицѣ.

Не могу еще здѣсь не вспомнить того, что во время мазурки на этомъ передъ-свадебномъ дружескомъ балѣ, какъ дамы такъ и кавалеры, участвуя въ фигурѣ, требующей раздачи различныхъ названій, выбирали эти названія изъ стихотвореній Пушкина, какъ: Бахчисарайскій Фонтанъ, Онѣгинъ, Татьяна, Кавказскій Плѣнникъ, Цыгане, Русланъ, Людмила и пр. и пр. Я, какъ недавній сотрудникъ „Сѣверной Пчелы“ и никогда въ дни моего сотрудничества не любившій знаменитаго Ѳаддея Венедиктовича Булгарина, назвалъ себя Косичкинымъ, такъ какъ подъ этимъ псевдонимомъ Пушкинъ разилъ Булгарина въ

своей съ нимъ полемической схваткѣ, печатанной въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, прозвавъ его Фиглярнымъ. Пришлось однако mettre les points sur les i, объяснить дамамъ эту журнальную суть псевдонима Косичкина.

Тотъ, кто 27 Января 1837 года праздновалъ свой сговоръ съ бѣлокурой, голубоглазой избранницей своего сердца, Г. П. Н****ъ здравствуетъ и понынѣ, находясь на высотахъ административной гіерархіи, въ качествѣ статсъ-секретаря и члена Государственнаго Совѣта. Онъ, можетъ быть, случайно, среди своихъ государственныхъ занятій и окруженный многочисленнымъ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ сыновей на службѣ, замужнихъ дочерей и даже изъ внучатъ, — прочтетъ не безъ удовольствія эти строки въ „Воспоминаніяхъ Петербургскаго старожила“, тогдашняго шафера и недавняго, въ тѣ времена, сослуживца его высокопревосходительства.

Надежды врачей и друзей Пушкина не оправдались: онъ скончался, какъ извѣстно, 29 Января въ 3-мъ часу дня. Толпа публики стѣною стояла противъ оконъ, завѣшанныхъ густыми занавѣсами и шторами, стараясь проникнуть въ комнаты, гдѣ выставлено было тѣло на вѣки умолкшаго пѣвца, чтобъ проститься съ нимъ; но впускъ былъ затруднителенъ, и нужно было даже пользоваться какою нибудь протекціею, чтобъ привести въ исполненіе это столь естественное желаніе всякаго Русскаго человѣка, маломальски не холодно относившагося къ очаровательной Пушкинской поэзіи. Наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ, мнѣ это удалось, при содѣйствіи спускавшагося въ то время съ лѣстницы адъютанта военнаго министра, капитана гвардейской конной артиллеріи, графа Штакельберга *). Въ это время, когда графъ Штакельбергъ оказывалъ мнѣ свое содѣйствіе, о томъ же сталъ его просить армейскій уланскій офицеръ съ бѣлыми отворотами на синемъ мундирѣ, и съ бѣлою уланскою шапкою на головѣ, и въ офицерѣ этомъ я узналъ одного изъ частыхъ посѣтителей танцовальныхъ вечеровъ полковника Вильгельма Ивановича Карлгофа, гдѣ мы съ нимъ нерѣдко встрѣчались. То былъ сынъ знаменитаго патріота 1812 года, добрѣйшаго и чрезвычайно своеобразнаго человѣка и извѣстнаго нашего писателя, Сергѣя Николаевича Глинки. Владиміръ Сергѣевичъ, помнится, любившій отчасти пописывать стихи и печатавшій ихъ въ альманахахъ и журналахъ того времени.—Мы нашли темнофіолетовый бархатный гробъ съ тѣломъ Пушкина, въ полутемной комнатѣ, освѣщенной только красноватымъ и мерцающимъ огнемъ отъ нѣсколькихъ десятковъ восковыхъ церковныхъ свѣчей, вставленныхъ въ огромные шандалы, обвитые крепомъ. Комната эта, помнится, желтая, по видимому, была столовая, такъ какъ въ ней стоялъ огромный буфетъ. Окна, два или три на улицу, были завѣшаны, а на какую-то картину, писанную масляными красками и на довольно большое зеркало, были наброшены простыни. Гробъ стоялъ на катафалкѣ въ двѣ ступеньки, обитомъ чернымъ сукномъ съ серебряными галунами. Катафалкъ помѣщенъ былъ противъ входной двери; въ ногахъ былъ налой, у котораго дьячекъ въ черномъ плисовомъ стихарѣ съ серебряными же галунами, стоя спиною къ входныхъ дверямъ, читалъ псалтырь. Тѣло покойника, сплошь прикрытое бѣлымъ крепомъ, было почти все задернуто довольно подержаннымъ парчевымъ палевымъ покровомъ, по видимому, взятымъ на прокатъ отъ гробовщика или изъ церкви. Вошедшій одновременно съ нами лакей въ глубокомъ траурѣ, бережно и крестясь, отложилъ покровъ и крепъ, чрезъ что, при красноватомъ свѣтѣ восковыхъ церковныхъ большихъ и малыхъ свѣчей, открылся до пояса нашъ обожаемый поэтъ, на котораго мы оба,

*) Онъ недавно умеръ въ качествѣ посла во Франціи въ послѣдніе уже дни второй Имперіи, будучи генералъ-адъютантомъ и въ чинѣ генерала отъ артиллеріи.

В. С. Глинка и я, жадно устремили наши глаза, не забывъ однако совершить обычное поклоненіе до земли и цѣлованіе образа на груди усопшаго. Могу сказать положительно, что въ 2 часа по полудни 30 Января, когда я видѣлъ тѣло безсмертнаго поэта, кромѣ обыкновенной восковой мраморности вполнѣ застывшаго трупа съ прочно и крѣпко закрытыми глазами и ртомъ чуть чуть отверстымъ, обнаруживавшимъ прекрасные зубы, никакихъ другихъ признаковъ мертвенности и разрушенія замѣтно не было. Лицо было необыкновенно спокойно и очень серіозно, но ни сколько не мрачно. Великолѣпные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушкѣ, а густыя бакенбарды окаймляли впалыя щеки до подбородка, выступая изъ подъ высокозавязаннаго чернаго широкаго галстука. На Пушкинѣ былъ любимый его темнокоричневый *) сюртукъ, въ какомъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ, при жизни его, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года, на одномъ изъ Воейковскихъ вечеровъ, о чемъ я подробно разсказалъ въ XI № „Русскаго Вѣстника“ 1871 года въ статьѣ моей: „Знакомство съ Воейковымъ“. Что на покойникѣ Пушкинѣ въ гробу былъ не черный, а темнокоричневый съ отливомъ сюртукъ, то это подтвердилъ и тотъ слуга его, который былъ при насъ во все время, пока мы съ Глинкой грустно-внимательно глядѣли на черты нашего угасшаго поэта и какъ бы врѣзывали ихъ себѣ въ память. Ежели бы я умѣлъ сколько нибудь правильно владѣть орудіями живописи, карандашемъ или кистью, то на память могъ бы возсоздать портретъ Пушкина въ гробу такой, который былъ бы несравненно лучше той литографіи, какая нѣсколько дней послѣ его смерти явилась во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ и была далеко не удовлетворительна ни въ смыслѣ сходства, ни въ смыслѣ искусства художника. Около получаса простояли мы тутъ, не сводя глазъ съ покойнаго Александра Сергѣевича, при чемъ Глинка, знавшій наизустъ всего почти Пушкина, читалъ полушопотомъ, словно молитву, отрывки изъ различныхъ его стихотвореній, преимущественно тѣ, въ которыхъ поэтъ жалуется на жизнь и не находитъ въ ней ничего привлекательнаго. Наконецъ старый слуга напомнилъ, что намъ пора удалиться, потому что сейчасъ начнется панихида для семейства и для близкихъ друзей покойнаго, которые уже собрались въ сосѣдней комнатѣ. Бросивъ послѣдній взглядъ на лицо Пушкина, лежавшаго въ гробу и помолясь, мы вышли.

Когда съ Глинкою, оба полные думъ о Пушкинѣ, мы сошли съ лѣстницы и вышли на улицу, гдѣ у подъѣзда все еще толпилось нѣсколько десятковъ человѣкъ и между ними замѣтны были синіе воротники и треуголки студентовъ,— намъ привелось услышать замѣчанія публики, обращенныя къ намъ, о томъ, что и для того, чтобъ поклониться праху великаго поэта земли Русской, нужна протекція; потому что все, касающееся погребенія Пушкина, поручено жандармскому генералу Дубельту, распоряжающемуся тутъ вполнѣ пополицейски. Въ тѣ времена такія рѣчи сходили съ рукъ, и никто на такое ворчанье публики не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; а когда о чемъ нибудь довольно рѣзкомъ по части городской болтовни докладывали Императору Николаю Павловичу, то, какъ нерѣдко разсказывали тогда, онъ улыбался, приговаривая: „Пусть квакаютъ!“ или иногда употреблялъ въ отвѣтъ окончаніе басни Крылова „Слонъ и Моська“, т. е.: „А онъ идетъ себѣ, идетъ, и лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“. Настоящія строгости полицейскаго надзора, породившія въ Петербургскомъ обществѣ нѣкоторую опасливость и осторожность и отразившіяся на всемъ бытѣ общественномъ, начались лишь съ 1848 года, отчасти благодаря Февральской революціи, произ-

*) А не черный, какъ это, кажется, въ „Русскомъ Архивѣ“ описывалъ почтенный баронъ Бюлеръ.

ведшей броженіе во всей Европѣ, въ особенности же благодаря открытію гнуснаго и нелѣпаго заговора, извѣстнаго подъ названіемъ „Заговора Общества Петрашевскаго“.

И такъ мы съ Глинкой, выйдя изъ подъ воротъ отъ подъѣзда, пошли рядомъ, имѣя одну дорогу.

— „У меня въ карманѣ, сказалъ Глинка, любившій тщеславиться тѣмъ, что онъ достаетъ прежде многихъ различные стихи, пользовавшіеся рукописной славой, — прелестные стихи, которые вчера только ночью написалъ одинъ лейбъ-гусаръ, тотъ самый Лермонтовъ, котораго маленькая поэмка Гаджи-Абрекъ и еще кое-какіе стишки были напечатаны въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и которые тотъ, чьи останки мы сейчасъ видѣли, признавалъ блестящими признаками высокаго таланта. Судьбѣ угодно было, чтобъ этотъ Лермонтовъ оправдалъ слова безсмертнаго поэта и написалъ на его. вѣнчину стихи высокаго совершенства Хотите, я вамъ ихъ прочту?“

— „Сдѣлайте одолженіе прочтите, Владиміръ Сергѣевичъ, сказалъ я, да только какъ же читать-то на морозѣ? А вотъ вѣдь мы въ двухъ шагахъ отъ кондиторской Вольфа (у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина), зайдемте туда, велимъ дать намъ по стакану кофе и займемся этими стихами“.

— „Ловко ли будетъ, замѣтилъ мой собесѣдникъ, читать эти стихи въ публичномъ мѣстѣ? Впрочемъ, въ нихъ нѣтъ ничего такого, что могло бы произвести въ какомъ нибудь маломальски разумномъ мушарѣ злую мысль сдѣлать на насъ доносъ. Въ нихъ лишь выражается рѣзко и сильно та скорбь, которую чувствуетъ каждый изъ насъ по случаю этой несчастной катастрофы, вмѣстѣ съ гнѣвомъ на общество, не умѣвшее защитить поэта отъ безвыходной случайности, а также и на безсовѣстнаго иноземца, дерзнувшаго пустить роковую пулю не на воздухъ, а въ сердце великаго поэта“.

— „Ну, такъ, чтожъ, замѣтилъ я, вы мастерски читаете, прочтите Бога ради мнѣ эти стихи, которые я тотчасъ тамъ же и спишу“.

Мы вошли въ кондитерскую, гдѣ встрѣтили двухъ-трехъ знакомыхъ намъ молодыхъ людей и между ними добрѣйшаго барона Егора Ѳедоровича Розена, что-то декламировавшаго посреди кучки военной и статской молодежи. Онъ, какъ извѣстно, говорилъ и читалъ всегда съ своимъ особеннымъ оригинальнымъ акцентомъ и съ тѣмъ восторженнымъ завываньемъ, которое Французы называютъ hoquet dramatique, т. е. драматическою икотою. Но свои собственныя произведенія милѣйшій баронъ читалъ уже обыкновенно съ такимъ паѳосомъ, что трудно было удержаться, слушая его, ежели не отъ смѣха, то по крайней мѣрѣ отъ улыбки. Оказалось, что онъ читалъ стихи своего творенія на смерть Пушкина, и въ стихахъ этихъ была страшная кутерьма, представлявшая смѣсь миѳологіи Греческой съ Славянскою, Германскаго мистицизма и Русскаго молодечества, историческихъ воспоминаній и біографическихъ подробностей о Лицеѣ, о Крымѣ, Кавказѣ и обо всемъ на свѣтѣ. Все вмѣстѣ былъ громкій наборъ фразъ и словъ трескучихъ и эффектныхъ, съ стихомъ трудно вырубленнымъ, то риѳмованнымъ очень рѣзко, то бѣлымъ, то гекзаметромъ: но въ этомъ хаосѣ искрились двѣ-три счастливыя мысли, которыя, впрочемъ, всего менѣе привлекали вниманіе самого автора, а подмѣчались только слушателями. Когда онъ кончилъ и, поздоровавшись съ нами, узналъ, что мы сейчасъ отъ Пушкина, при гробѣ котораго остались бы долго, ежели бы не долженствовавшая начаться панихида, онъ вдругъ вспомнилъ, что самъ приглашенъ Васильемъ Андреевичемъ (Жуковскимъ) на эту панихиду къ Пушкину, почему, сильно дрыгнувъ своими серебряными майорскими эполетами, накинулъ шинель съ бобровымъ (и очень потертымъ) воротникомъ, надѣлъ на голову шляпу съ когда-то бѣлымъ ката-

сканнымъ султаномъ, и простился со всѣми нами. Гремя шпорами и саблей, собрался онъ уходить, какъ вдругъ извѣстный въ нашемъ кругу шутникъ, острякъ и весельчакъ, мой сослуживецъ по военному министерству и какъ бы сотоварищъ Пушкину, хотя одного изъ позднѣйшихъ выпусковъ Царкосельскаго Лицея (т. е. кажется, 1835 года) молодой человѣкъ, Левъ Львовичъ Карбоньеръ (сынъ извѣстнаго инженернаго Француза генерала) остановилъ Розена, слегка прикоснувшись къ капишону его военной шинели и, обращаясь къ нему съ самымъ серьознымъ видомъ, слегка заикаясь и пришепетывая, сказалъ: „Баронъ! Послѣ панихиды вы, вѣроятно, будете всему тамъ обществу читать ваши стихи?“ — „Непремѣнно“, отвѣчалъ Розенъ. — „Ну такъ вотъ что, господа, продолжалъ Карбоньеръ, идемъ всѣ къ дому Пушкина, чтобъ имѣть счастье первымъ быть свидѣтелями того чуда, какое тамъ непремѣнно, увѣряю васъ, совершится. По моему твердому убѣжденію, стихи барона Егора Ѳедоровича таковы, каковы были звуки голоса Орѳея: они способны воскрешать мертвыхъ, и имъ мы будемъ обязаны тѣмъ, что нравственно-безсмертный поэтъ нашъ во истину въ тѣлесахъ даже окажется безсмертнымъ!“

— „У этого мальчишки, крикнулъ Розенъ, вдругъ побагровѣвъ, ничего нѣтъ святаго. Онъ глумится надъ всѣмъ на свѣтѣ и не понимаетъ того, что тѣло тлѣнъ, а душа безсмертна, и потому я увѣренъ, что точно душа моего безцѣннаго Пушкина на лонѣ царя Небеснаго сладко улыбнется моимъ стихамъ“.

Онъ уже былъ за дверью кондиторской, и до него, къ счастью, не долетѣли слова скептика Карбоньера: „Не только улыбнется, расхохочется до упаду!“

Между тѣмъ мы съ Глинкой удалились въ заднюю комнату, гдѣ намъ былъ поданъ кофе и гдѣ Глинка очень хорошо прочелъ мнѣ извѣстное, находящееся нынѣ въ полномъ собраніи стихотвореній Лермонтова (1863 г.), а тогда только что явившееся и расходившееся въ рукописи стихотвореніе на смерть Пушкина, оканчивавшееся тогда словами: „И на устахъ его печать“.

Прослушавъ съ наслажденіемъ эти стихи, я тотчасъ досталъ въ кондитерской же перо, бумаги, чернилъ и быстро списалъ съ стиховъ этихъ копію, пока Глинка пилъ кофе, куря бывшій тогда en vogue „Жуковъ“ (въ особенности послѣ моей статьи съ біографическими подробностями о Васильѣ Григорьевичѣ Жуковѣ, нѣкогда бывшемъ деревенскомъ мальчишкѣ-свинопасѣ въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, напечатанной въ 1831 году въ знаменитой въ тѣ времена „Сѣверной Пчелѣ“).

Нѣсколько дней послѣ этого дня, когда уже А. И. Тургеневъ отвезъ на почтовыхъ тѣло Пушкина въ монастырь Святыя Горы подлѣ его родоваго имѣнія въ Псковской губерніи, гдѣ онъ писалъ, какъ извѣстно, своего „Онѣгина“, начали по городу ходить еще совершенно новые стихи Лермонтова, въ дополненіе къ первымъ и начинавшіеся словами: „А вы надменные потомки!“... Стихи эти жадно списывались другъ у друга; но мнѣ какъ-то никакъ не удалось ихъ имѣть въ копіи, хотя я слышалъ ихъ изъ устъ многихъ, но какъ нарочно все изъ устъ такихъ людей, которымъ не могъ заставить ихъ себѣ продиктовать.

Въ одно воскресенье, уже въ концѣ поста, кажется на Вербной, я обѣдалъ у Петра Никифоровича Беклемишева, и встрѣтился тамъ съ Аѳанасьемъ Ивановичемъ Синицынымъ, который тутъ говорилъ намъ, что онъ былъ аудиторомъ военнаго суда надъ кавалергардскимъ поручикомъ Дантесомъ. Въ числѣ гостей, какъ теперь помню, былъ молодой, очень молодой Семеновскій офицеръ Линдфорсъ съ золотымъ аксельбантомъ Военной Академіи. Этотъ молодой человѣкъ съ восторгомъ говорилъ о Пушкинѣ и въ юношескомъ увлеченіи своемъ увѣрялъ, что непремѣнно надо Дантеса за убійство славы Россіи не просто выслать за границу, какъ это рѣшили, а

четвертовать, т. е. предать такой казни, которая не существуетъ съ незапамятныхъ временъ и пр. При этомъ онъ изъ стиховъ Лермонтова бойко и восторженно читалъ тѣ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ такъ достается Дантесу. За тѣмъ онъ сказалъ, что Лермонтовъ написалъ еще 16 новыхъ стиховъ, обращенныхъ къ нашей бездушной и эгоистичной аристократіи, которые онъ Линдфорсъ знаетъ наизустъ. Я и нѣкоторые другіе, бывшіе тутъ, молодые люди стали просить Линдфорса продиктовать намъ эти стихи. Не успѣвъ хорошо заучить эти стихи, Линдфорсъ сбивался, и никто изъ насъ не могъ ничего записать толково. Само собою разумѣется, что весь этотъ разговоръ и эти тирады читаемыхъ рукописныхъ стиховъ совершались не въ гостиной и не въ столовой, а до обѣда, на поливинѣ молодаго Беклемишева, Николая Петровича, тогда штабъ-ротмистра Харьковскаго бѣлаго уланскаго полка (того самаго, въ которомъ служилъ и Глинка) и носившаго аксельбантъ Военной Академіи. Дѣло въ томъ, что въ присутствіи стариковъ, особенно такого придворнаго старика, какимъ былъ шталмейстеръ Двора Его Величества Петръ Никифоровичъ Беклемишевъ, этого рода бесѣды считались „либеральною“ контрабандою въ тѣ времена, когда либерализмъ, т. е. маломальское проявленіе самобытности, считался на ряду съ государственными преступленіями. Почтеннѣйшіе старички въ наивности своей называли все это un arrière-gout du décabrisme de néfaste mémoire“ *)

Въ то время какъ бѣсновался Линдфорсъ, Синицынъ, всегда спокойный и сдержанный, шепнувъ мнѣ, что онъ имѣетъ кое-что мнѣ сказать на единѣ, вышелъ со мною въ пустую тогда бильярдную и чтобъ никто не подумалъ, что мы секретничаемъ, предложилъ мнѣ, проформы ради, шарокатствовать, дѣлая видъ, будто играемъ партію.

— „Я съ намѣреніемъ, сказалъ Синицынъ, удалилъ васъ отъ того разговора, какой тамъ завязался между молодыми людьми, еще не знающими, что случилось съ авторомъ этихъ дополнительныхъ стиховъ, съ тѣмъ самымъ Лермонтовымъ, котораго, помнится, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ вы встрѣтили на моей лѣстницѣ. Дѣло въ томъ, что онъ написалъ эти дополнительные 16 стиховъ, вслѣдствіе какого-то горячаго спора съ своимъ родственникомъ. Стихи эти у меня будутъ сегодня вечеромъ въ вѣрномъ спискѣ, и я ихъ вамъ дамъ списать даже сегодня же вечеромъ, потому что здѣсь теперь намъ долго гостить не придется: послѣ обѣда всѣ разъѣдутся, такъ какъ хозяева званы на soirée de cloture *) къ Опочининымъ. Мы же съ вами, ежели хотите, поѣдемъ ко мнѣ, и у меня вы и прочтете и спишите эти стихи, да еще и познакомитесь съ авторомъ, ихъ добрѣйшимъ нашимъ „Майошкой“ и съ его двоюроднымъ братомъ Юрьевымъ. Оба они обѣщали мнѣ провести у меня сегодняшній вечеръ и разсказать про всю эту исторію съ этими 16-ю стихами, ходившими нѣсколько уже времени по городу, пока не подвернулись подъ недобрый часъ Государю Императору, который такъ за нихъ прогнѣвался на Лермонтова, что, какъ водится у насъ, тѣмъ же корнетскимъ чиномъ перевелъ его въ Нижегородскіе драгуны на Кавказъ съ приказаніемъ ѣхать туда немедленно. Но старуха-бабушка Лермонтова, всѣми уважаемая Елизавета Алексѣевна Арсеньева (урожденная Столыпина) успѣла упросить, чтобъ ему предоставлено было остаться нѣсколько деньковъ въ Петербургѣ, и вотъ вечеръ одного изъ этихъ дней, именно сегодняшній, „Майошка“ обѣщалъ подарить мнѣ. Стихи Лермонтова не только добавочные эти шестнадцать, но и все стихотвореніе на смерть Пушкина, сдѣлались контро-

*) Отрыжка декабризма злосчастной памяти.

*) Заключительный вечеръ сезона.

бандой и преслѣдуются жандармеріей, что, впрочемъ, не только не мѣшаетъ, но способствуетъ весьма сильному распространенію копій. А все таки лучше не слишкомъ-то бравировать, чтобъ не имѣть какихъ нибудь неудовольствій. Вотъ причина, почему я позволилъ себѣ отвлечь васъ отъ того кружка изъ половины Николая Петровича".

Я дружески поблагодарилъ Аѳанасья Ивановича за его вниманіе, повторивъ пословицу: „Береженаго Богъ бережетъ", и мы вмѣстѣ перешли въ столовую, гдѣ какой-то сенаторъ съ тремя звѣздами и съ Нѣмецкою, выпарившеюся изъ моей памяти, фамиліею, разсказывалъ очень положительно о разныхъ городскихъ новостяхъ и, между прочимъ, томъ, что одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ, недовольный тѣмъ, что будто бы Пушкинъ палъ жертвою какихъ-то интригъ, написалъ „самые революціонные стихи" и пустилъ ихъ по всему городу; онъ достоинъ былъ за это надѣть бѣлую лямку; но вмѣсто всего того, что „сорванецъ этотъ" заслуживалъ, Государь, по неисчерпаемому своему милосердію, только перевелъ его чѣмъ же чиномъ въ армію на Кавказъ. Пылкій Линдфорсъ не утерпѣлъ и сталъ было доказывать превосходительному звѣздоносцу изъ Нѣмцевъ, что стихи вовсе не „революціонные" и въ доказательство справедливости своихъ словъ, задекламировалъ было:

„А вы, надменные потомки,
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ!"

какъ вдругъ почтенный Петръ Никифоровичъ, громко засмѣявшись, остановилъ порывъ юноши и вперилъ въ него свои строгіе глаза, хотя все лицо его для всѣхъ сохраняло видъ веселости.

— „Помилуй Богъ, воскликнулъ онъ посуворовски, стихи, стихи, у меня за столомъ стихи! Нѣтъ, душа моя, мы люди не поэтическіе, а я хозяинъ-хлѣбосолъ люблю, чтобъ гости кушали во здравіе мою хлѣбъ-соль такъ, чтобъ за ушами пищало. А тутъ вдругъ ты со стихами: всѣ заслушаются, и никто не узнаетъ вполнѣ вкуса этого фрикасе изъ перепелокъ, присланныхъ мнѣ замороженными изъ Воронежскихъ степей".

И тотчасъ хозяинъ-хлѣбосолъ, перебивъ весь разговоръ о новостяхъ и о контробандныхъ стихахъ, самымъ подробнымъ образомъ сталъ объяснять трехзвѣздному сенатору и дамамъ всѣ высокія достоинства перепеловъ и самый способъ ихъ ловли соколами съ такими любопытными и живописными подробностями, что, по истинѣ, гости всѣ отъ мала до велика слушали съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ мастерской разсказъ хозяина, по видимому, страстнаго степнаго охотника.

Послѣ кофе гости, большею частью все интимные (какъ всегда у Петра Никифоровича было) зная, что старикъ-хозяинъ и его молоденькія дочки должны до выѣзда въ гости, онъ выспаться богатырски, а онѣ заняться серьезно туалетомъ,—поразъѣхались. Мы съ Синицынымъ также улетучились, и мигомъ его лихая пара рыжихъ казанокъ умчала насъ въ плетеныхъ санкахъ въ конногвардейскія казармы, гдѣ въ квартирѣ Аѳанасія Ивановича насъ встрѣтилъ товарищъ его, однокашникъ по школѣ, прапорщикъ лейбъ-гвардіи драгунскаго, расположеннаго въ Новгородской губерніи, полка Николай Дмитріевичъ Юрьевъ, двоюродный братъ и закадычный другъ Лермонтова, превосходный малый, почти постоянно проживавшій въ Петербургѣ, а не въ мѣстѣ расположенія своего полка, на скучной стоянкѣ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Пріѣзжая въ столицу, Николай Дмитріевичъ обыкновенно нигдѣ не останавливался, какъ у своего кузена и друга „Майошки", который, хотя и служилъ въ Царскосельскихъ лейбъ-гусарахъ, но почти никогда не былъ въ Царскомъ, а пребывалъ постоянно у бабушки Елизаветы Алексѣевны.

— „А что же, Майошка?" спросилъ

Синицынъ Юрьева, познакомивъ насъ взаимно, послѣ чего Юрьевъ отвѣчалъ:

— „Да что, братъ Синицынъ, „Майошка“ въ отчаяніи, что не могъ сопутствовать мнѣ къ тебѣ: бабушка не отпускаетъ его отъ себя ни на одинъ часъ, потому что на дняхъ онъ долженъ ѣхать на Кавказъ за лаврами, какъ онъ выражается“.

—„Экая жалость, что „Майошка“ измѣнничаетъ сказалъ Синицынъ. А какъ бы хотѣлось на послѣдкахъ отъ него самого услышать разсказъ о томъ, какъ надъ нимъ вся эта бѣда стряслась“.

—„Ну, замѣтилъ Юрьевъ, ты братъ Синицынъ, видно все еще не узналъ вполнѣ нашего „Майошку“: вѣдь онъ очень не податливъ на разсказы о своей особѣ, да и особенно при новомъ лицѣ“.

—„Это новое лицо, объяснялъ Синицынъ, приглашено мною и есть мой искреннѣйшій пріятель, хотя и не нашъ братъ военный, и при В*** П*** можно намъ бесѣдовать на распашку. Къ тому же вѣдь и онъ немножко военный, продолжалъ мой добрѣйшій Аѳанасій Ивановичъ, похихикивая по своему обыкновенію: онъ служитъ въ военномъ министерствѣ и можетъ носить, когда хочетъ и носитъ когда бываетъ на службѣ, военный мундиръ, со шпорами даже“.

—„О! моя воинственность, засмѣялся я, мнѣ клиномъ пришлась съ перваго раза, какъ только я въ прошломъ году въ Мартѣ мѣсяцѣ въ нее облекся. За тѣмъ вся моя воинская сбруя покоится у швейцара военнаго министерства, и я въ нее наряжаюсь исключительно только на службѣ въ дни нашихъ засѣданій“.

Въ это время лакей Синицына, въ деньщичьей формѣ конногвардейскаго полка, состоявшей въ то время изъ синяго вицмундира*) съ сѣрыми рейтузами, украшенными красными лампасами, но въ бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ, подавалъ намъ чай на довольно большомъ серебряномъ подносѣ во вкусѣ рококо, съ такою же сахарницею и сухарницею.

—„Какой же ты, посмотрю я, аристократъ-сибаритъ, улыбался Юрьевъ, принимая и ставя на столъ, покрытый ковровою салфеткою, свой стаканъ чая. Какое это все у него историческое серебро! Вотъ увидѣла бы бабушка Елизавета Алексѣевна, тотчасъ поставила бы тебя намъ съ Мишей въ образецъ порядочности, любви къ комфорту и умѣнья уважать преданья старины глубокой. А мы, правда, порядкомъ и строгостью быта нашего съ кузёномъ не отличаемся“.

—„Ну еще ты, Николай Дмитріевичъ, замѣтилъ Синицынъ, такъ себѣ, не совсѣмъ безпорядочный человѣкъ, покрайней мѣрѣ, ежели не бережливъ съ своими вещами, то не портишь чужихъ: а ужъ „Майошка“ просто бѣдовый. Былъ у меня это онъ какъ-то разъ осенью, да вотъ именно когда онъ съ вами, В*** П***, повстрѣчался на лѣстницѣ у самыхъ почти моихъ дверей и чуть не сбилъ васъ съ ногъ. Пріѣхалъ ко мнѣ онъ въ ту пору съ уплатою какихъ-то ста рублей, которые когда-то въ Школѣ я одолжилъ „Курку“ *). А „Майошка“ вздумалъ принимать на свою шею нѣкоторые изъ долговъ нашего длинноносаго князька. Такъ, право, хоть я и не транжиръ, а охотно забылъ бы объ этихъ деньгахъ, лишь бы „Майошка“ не проказилъ у меня такъ, какъ онъ тогда тутъ развозился, приводя у меня весь мой мобильe въ содомъ и гоморъ“.

—„Ха! Ха! Ха!, хохоталъ Юрьевъ, узнаю его: у него преглупая страсть, за которую ужъ мы съ нимъ не разъ спорили дружески, страсть приводить въ безпорядокъ все то, что носитъ отпечатокъ.

*) Деньщики л. гв. коннаго полка носили юберроки не темнозеленые, а синіе на томъ основаніи, какъ гласитъ полковое преданіе, что разъ какъ-то синяго сукна было въ уланскій полкъ доставлено изъ коммисаріата слишкомъ много противъ пропорціи, и Великій Князь Константинъ Павловичъ, въ тѣ времена инспекторъ всей кавалеріи, не желая отсылать излишекъ обратно, велѣлъ экипировать имъ деньщиковъ л. гв. коннаго полка.

*) Прозвище школьное одного князя Ш-аго, съ длиннымъ носомъ.

какъ у тебя, дружище, твой мобилье, щепетильности и педантичности".

—„Да ужъ это куда ни шло, продолжалъ сѣтовать Синицынъ, а скверно то, что онъ засыпалъ пепломъ, да еще горячимъ, отъ своихъ маисовыхъ сигаретъ корни только что пересаженнаго въ горшокъ рододендрона, и вотъ это прелестное растеніе погибло".

—„О!, воскликнулъ пылкій и быстрый въ своихъ движеніяхъ Юрьевъ, этому горю твоему, Синицынъ, я помогу: въ Нессельродовскихъ оранжереяхъ учится садоводству одинъ изъ бабушкиныхъ парнишекъ, сестра котораго у бабушки подгорничной и съ тѣмъ вмѣстѣ моя преданная подруга. Вотъ тебѣ мое честное слово: у тебя на дняхъ будетъ рододендронъ на славу. А такъ вы служите въ военномъ министерствѣ? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и можетъ быть, знаете Акиѳія Петровича Суковкина?" *)

—„Какъ не знать, отвѣчалъ я, это одинъ изъ лучшихъ моихъ сослуживцевъ. Онъ премилый и прелюбезный человѣкъ".

—„И препріятный собесѣдникъ, продолжалъ Юрьевъ; онъ бываетъ иногда у бабушки Арсеньевой и всегда разсказываетъ что нибудь забавное. Такъ на дняхъ, онъ разсказывалъ, что къ нимъ въ министерство поступилъ какой-то угловатый семинаристъ и облекся во всю форму. Но какъ ему ни толковали во всѣхъ тонкостяхъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, нося шляпу адъютантской формы, которая никогда не поворачивается, при отдаваніи чести царской фамиліи или высшему начальству,—семинаристъ, при первой встрѣчѣ съ Императоромъ, забылъ всѣ наставленія, данныя ему адъютантомъ военнаго министра и, видя, что всѣ поворачиваютъ шляпы по формѣ, повернулъ свою, и его кокарда очутилась сзади на затылкѣ, а широкая сторона шляпы была спереди. Къ счастью, Государь былъ въ хорошемъ расположеніи духа: „изволили смѣяться", какъ говорится въ „Горе отъ ума" Грибоѣдова, и еще Его Величество изволилъ сказать: „А! Чернышевскій новобранецъ!" Этотъ комическій разсказъ Акиѳія Петровича, съ различными ужимками и фарсами, заставилъ хохотать всю нашу честную компанію почти до слезъ; а бабушка еще плакала отъ умиленія, находя, что notre Souverain est vraiment d'une bonté angélique *), точно ужъ будто слѣдовало за эту неловкость бѣднаго семинариста въ Сибирь ссылать".

Синицынъ, знавшій, что происшествіе это было не съ семинаристомъ какимъ-то, а со мною, когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1836 года, я въ первый разъ въ жизни облачился въ военную форму и наткнулся на Невскомъ Проспектѣ на Императора, ужасно переконфузился, увѣряя Юрьева, что все это выдумка Суковкина и что никогда ничего подобнаго не было.

— „Вы, дорогой Аѳанасій Ивановичъ, сказалъ я, чего добраго, думаете, что разсказъ этотъ меня огорчаетъ, тогда какъ я самъ его при васъ повторялъ не разъ, чтобы посмѣшить общество, у Беклемишевыхъ, у Карлгофа, у Бороздиныхъ, у Масловыхъ, вездѣ, гдѣ мы съ вами встрѣчаемся. Да и чему тутъ конфузиться? Ежели вы давно не слыхали этого анекдота о шляпѣ и о шинелѣ, закинутой мною на манеръ Римской тоги, то только потому, что разсказывать все объ одномъ и томъ же значитъ хотѣть надоѣсть своимъ знакомымъ, да еще и потому, что эти мои комическіе разсказы объ этомъ случаѣ съ подражаніями Величкину, Дюру и Рязанцеву **) дошли, кажется, до нашего графа Александра Ивановича (т. е. Чернышева, тогда еще не бывшаго княземъ) и не совсѣмъ ему понравились, о

*) Умеръ, кажется, въ 1861 или 1862 году, будучи статсъ-секретаремъ и управляющимъ дѣлами комитета министровъ.

*) Нашъ Государь, по истинѣ, ангельской доброты.

**) Тогдашніе корифеи нашей комической сцены.

чемъ я узналъ конфиденсіально отъ нашего вице-директора, добрѣйшаго Николая Александровича Бутурлина. Въ разсказѣ сослуживца моего Акинѳія Петровича все передано какъ нельзя вѣрнѣе, кромѣ только того, что, ради красоты слога, ему вздумалось замаскировать меня семинаристомъ, какимъ, какъ вамъ извѣстно, я никогда не бывалъ".

Юрьевъ, какъ человѣкъ больше товарища своего Синицына знакомый съ условіями хорошаго общества, понялъ сразу, что разсказъ этотъ не могъ быть мнѣ обиденъ ни на волосъ; но со всѣмъ тѣмъ не счелъ нужнымъ продолжать его, а только сказалъ:

— „Въ первый разъ, что̀ я у бабушки увижусь съ Акинѳіемъ Петровичемъ, скажу ему, что онъ напрасно переиначилъ историческую истину своего забавнаго анекдота, потому что я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ настоящимъ дѣйствующимъ лицомъ, бывшимъ героемъ въ комедіи съ переодѣваньемъ, которую можно назвать „Шляпою на выворотъ" и прибавлю, съ вашего позволенія, что это дѣйствовавшее тогда лицо ничего общаго съ его бурсакомъ не имѣетъ".

— „ А теперь, Юрьевъ, приставалъ Синицынъ, идемъ къ цѣли: разскажи намъ всю суть происшествія со стихами, которые были причиною, что нашъ „Майошка" изъ лейбъ-гусаровъ такъ неожиданно попалъ въ Нижегородскіе драгуны тѣмъ же чиномъ, т. е. изъ поповъ въ дьяконы, какъ говорится".

— „Къ твоимъ услугамъ", отозвался Юрьевъ, закуривая трубку на длинномъ чубукѣ, поданномъ ему казачкомъ Синицына, который самъ однако никогда ничего не курилъ, но для гостей держалъ всегда табакъ и чубуки въ отличномъ порядкѣ, соблюдаемомъ этимъ 14 лѣтнимъ пострѣленкомъ, прозваннымъ чубукши-паша.

— „Дѣло было такъ, продолжалъ Юрьевъ, затянувшись и обдавъ насъ густымъ облакомъ ароматнаго дыма. Какъ только Пушкинъ умеръ, Лермонтовъ, какъ и я, какъ я думаю, всѣ мы, люди земли не Нѣмецкой, приверженецъ и обожатель поэзіи Пушкина, имѣлъ случай, незадолго до этой роковой катастрофы, познакомиться лично съ Александромъ Сергѣевичемъ, и написалъ извѣстное теперь почти всей Россіи стихотвореніе на смерть Пушкина, стихотвореніе, надѣлавшее столько шума и, не смотря на то, что нигдѣ не напечатанное, поставившее вдругъ нашего школьнаго поэта почти въ уровень въ тѣмъ, кого онъ въ своихъ великолѣпныхъ стихахъ оплакивалъ. Намъ говорили, что Василій Андреевичъ Жуковскій относился объ этихъ стихахъ съ особеннымъ удовольствіемъ и призналъ въ нихъ не только зачатки, но все проявленіе могучаго таланта, а прелесть и музыкальность версификаціи признаны были знатоками явленіемъ замѣчательнымъ, изъ ряду вонъ. Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій сказалъ въ разговорѣ съ бабушкой, гдѣ-то въ реюньонѣ, что многіе выражаютъ только сожалѣніе о томъ, зачѣмъ энергія мысли въ этомъ стихотвореніи не довольно выдержана, чрезъ что замѣтна та рѣзкость сужденій, какая слишкомъ рельефируетъ самый возрастъ автора. Говорятъ (правда ли, нѣтъ ли, не знаю) это ничто иное какъ придворное повтореніе мнѣнія самаго Императора, прочитавшаго стихи со вниманіемъ и сказавшаго будто бы: „Этотъ, чего добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина!"—На дняхъ, еще до катастрофы за прибавочные стихи, нашъ Шлиппенбахъ *) былъ у бабушки и разсказывалъ ей, что его высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ отозвался въ разговорѣ съ нимъ о Лермонтовѣ такъ: „Ce poète en herbe va donner de beaux fruits" **). А потомъ, смѣясь, прибавилъ:

*) Баронъ Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ, нѣкогда директоръ Гв. Шк. Подпр. и Юнкеровъ, а потомъ директоръ 1-го Кадетскаго Корпуса. Умеръ генералъ-лейтенантомъ въ 1859 году здѣсь въ Петербургѣ.

**) Эта Французская игра словъ непереводима порусски; но въ ближайшемъ смыслѣ это

„Упекужъ его на гауптвахту, ежели онъ взводу вздумаетъ въ стихахъ командовать, чего добраго!“ Въ большемъ свѣтѣ вообще выражалось сожалѣніе только о томъ, что авторъ стиховъ слишкомъ будто бы рѣзко отозвался о Дантесѣ, выставивъ его ничѣмъ инымъ, какъ искателемъ приключеній и почти chevalier d' industrie. За этого Дантеса весь нашъ бомондъ, особенно же юбки. Командиръ лейбъ-гусаровъ. Х—ъ за большимъ званымъ ужиномъ сказалъ, что, не сиди Дантесъ на гауптвахтѣ и не будь онъ впередъ назначенъ къ высылкѣ за границу съ фельдъегеремъ, кончилось бы тѣмъ, что какъ Пушкинъ вызвалъ его, такъ онъ вызвалъ бы Лермонтова за эти „ругательные стихи“. А, по правдѣ, что̀ въ нихъ ругательнаго этому Французишкѣ, который срамилъ собою и гвардію, и первый гвардейскій кавалерійскій полкъ, въ которомъ числился?“

— „Правду сказать, замѣтилъ Синицынъ, я насмотрѣлся на этого Дантесишку во время военнаго суда. Страшная Французская бульварная сволочь съ смазливой только рожицей и съ бойкимъ говоромъ. На первый разъ онъ не зналъ, какой результатъ будетъ имѣть судъ надъ нимъ, думалъ, что его, безъ церемоніи, разстрѣляютъ и въ тайномъ казематѣ засѣкутъ казацкими нагайками. Дрянь! Растерялся, блѣднѣлъ, дрожалъ. А какъ провѣдалъ чрезъ своихъ друзей, въ чемъ вся суть-то, о! тогда поднялся на дыбы, захорохорился, чортъ былъ ему не братъ и осмѣлился даже сказать, что такихъ версификаторовъ, какимъ былъ Пушкинъ, въ его Парижѣ десятки. Вѣдь вы, господа, всѣ меня знаете за человѣка миролюбиваго, не даромъ Великій Князь, съ перваго раза, окрестилъ меня, „кормилицей Лукерьей“; но ей Богу, будь этотъ Французишка не подсудимый, а на свободѣ, — я такъ и далъ бы ему плюху за его нахальство и за презрѣніе къ нашему хлѣбу-соли“ *).

— „Ну вотъ же видишь, подхватилъ съ живостью Юрьевъ, ужъ на что ты, Синицынъ, кротокъ и добръ, а и ты хотѣлъ этого фанфарона наказать. Послѣ этого чего мудренаго, что такой пламенный человѣкъ, какъ Лермонтовъ, не на шутку озлился, когда до него стали съ права и слѣва доходить слухи о томъ, что въ высшемъ нашемъ обществѣ, которое Русское только по названію, а не въ душѣ и не на самомъ дѣлѣ, потому что оно вполнѣ офранцужено отъ головы до пятокъ, идутъ толки о томъ, что въ смерти Пушкина, къ которой всѣ эти сливки высшаго общества относятся крайне хладнокровно, надо винить его самаго, а не тѣ обстоятельства, въ которыя онъ былъ поставленъ, не тѣ интриги великосвѣтскости, которыя его доканали, раздувъ пламя его и безъ того всепожирающихъ страстныхъ стремленій. Все это ежедневно раздражало Лермонтова, и онъ, всегда такой почтительный къ бабушкѣ нашей, раза два съ трудомъ сдерживалъ себя, когда старушка говорила при немъ, что покойный Александръ Сергѣевичъ не въ свои сани сѣлъ и, сѣвши въ нихъ, не умѣлъ ловко управлять своенравными лошадками, мчавшими его и намчавшими, наконецъ, на тотъ сугробъ, съ котораго одна дорога была только въ пропасть. Съ старушкой нашей Лермонтовъ конечно не спорилъ, а только кусалъ ногти и уѣзжалъ со двора на цѣлые сутки. Бабушка замѣтила это и, не желая печалить своего Мишу, ни слова уже не говорила при немъ о свѣтскихъ толкахъ; а эти толки подѣйствовали на Лермонтова до того сильно, что недавно онъ занемогъ даже. Бабушка испугалась, докторъ призналъ разстройство нервовъ и прописалъ усиленную дозу валерьяны; заѣхалъ другъ всего Петербурга, добрѣйшій Николай Ѳедоро-

---

значитъ: „Отъ этого молодаго поэта можно ожидать замѣчательныхъ произведеній“.

*) Другіе болѣе достовѣрные разсказы свидѣтельствуютъ что Дантесъ не только не позволялъ себѣ подобныхъ выходокъ, но просилъ Государя позволить ему перейти на службу солдатомъ на Кавказъ, дабы доказать, какъ онъ чувствуетъ великость причиненнаго имъ Русской землѣ горя. *П. Б.*

вичъ Арендтъ и, не прописывая никакихъ лекарствъ, вполнѣ успокоилъ нашего капризнаго больнаго своею бесѣдой, разсказавъ ему всю печальную эпопею тѣхъ двухъ съ половиною сутокъ съ 27 по 29 Января, которые пострадалъ раненный Пушкинъ. Онъ все, все, все, что только происходило въ эти дни, часъ въ часъ, минута въ минуту, разсказалъ намъ, передавъ самыя завѣтныя слова Пушкина. Нашъ другъ еще больше возлюбилъ своего кумира послѣ этого откровеннаго сообщенія, обильно и безъискусственно вылившагося изъ доброй души Николая Ѳедоровича, не умѣвшаго сдержать своихъ словъ.

Лермонтовъ находился подъ этимъ впечатлѣніемъ, когда явился къ намъ нашъ родня Н. А. С., дипломатъ, служащій подъ начальствомъ графа Нессельроде, одинъ изъ представителей и членовъ самаго, что ни есть, нашего высшаго круга, но, впрочемъ, джентльменъ во всѣмъ значеніи этого слова. Узнавъ отъ бабушки, занявшейся съ бывшими въ эту пору гостями, о болѣзни Мишеля, онъ поспѣшилъ навѣдаться объ немъ и вошелъ неожиданно въ его комнату, минутъ десять по отъѣздѣ Николая Ѳедоровича Арендта. По поводу городскихъ слуховъ о томъ, что вдова Пушкина едва ли долго будетъ носить трауръ и называться вдовою, что ей вовсе не къ лицу, С. расхваливалъ стихи Лермонтова на смерть Пушкина; но только говорилъ, что напрасно Мишель, апоѳеозируя поэта, придалъ слишкомъ сильное значеніе его невольному убійцѣ, который, какъ всякій благородный человѣкъ, послѣ всего того, что было между ними, не могъ бы не стрѣляться. Honneur oblige!..... Лермонтовъ сказалъ на это, что Русскій человѣкъ, конечно чистый Русскій, а не офранцуженный и испорченный, какую бы обиду Пушкинъ ему ни сдѣладъ, снесъ бы ее, во имя любви своей къ славѣ Россіи и никогда не поднялъ бы на этого великаго представителя всей интеллектуальности Россіи своей руки. С. засмѣялся и нашелъ, что у Мишеля раздраженіе нервовъ, почему лучше оставить этотъ разговоръ и перешелъ къ другимъ предметамъ свѣтской жизни и къ новостямъ дня. Но „Майошка“ нашъ его не слушалъ и, схвативъ листъ бумаги, что-то быстро по немъ чертилъ карандашемъ, ломая одинъ за другимъ и переломавъ такъ съ полдюжины. Между тѣмъ, С., замѣтивъ это, сказалъ, улыбаясь и полушопотомъ: „La poésie enfante!“ *); потомъ, поболтавъ еще не много и обращаясь уже только ко мнѣ, собрался уходить и сказалъ Лермонтову: „Adieu, Michel!“, но нашъ Мишель закусилъ уже поводья, и гнѣвъ его не зналъ предѣловъ. Онъ сердито взглянулъ на С. и бросилъ ему: „Вы, сударь, антиподъ Пушкина, и я ни за что не отвѣчаю, ежели вы сію секунду не выйдете отсюда“. — С. не заставилъ себя приглашать къ выходу дважды и вышелъ быстро, сказавъ только: „Mais il est fou à lier“. **) Четверть часа спустя, Лермонтовъ, переломавшій столько карандашей, пока тутъ былъ С. и потомъ писавшій совершенно спокойно на бѣло перомъ то, что въ присутствіи непріятнаго для него гостя писано имъ было такъ отрывисто, прочиталъ мнѣ тѣ стихи, которые, какъ ты знаешь, начинаются словами: „А, вы, надменные потомки! и въ которыхъ такъ много силы.

—„Я отчасти знаю эти стихи, сказалъ Синицынъ, но не имѣю вѣрной копіи съ нихъ. Пожалуйста, Юрьевъ, ты, который такъ мастерски читаешь всякіе стихи, прочти намъ эти, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, главное „съ разстановкой“, а мы съ В***П*** ихъ спишемъ подъ твой диктантъ“. — „Изволь, отозвался Юрьевъ, вотъ они“.

Мы тотчасъ вооружились листами бумаги и перьями, а Юрьевъ декламировалъ, повторяя каждый стихъ:

---

*) Поэзія разрѣшается отъ бремени.

**) Но вѣдь онъ просто бѣшеный.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона—
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперстники разврата,
Есть грозный судъ: онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла все знаетъ напередъ.
И вы напрасно тутъ прибѣгнете къ словлю:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

Когда мы съ Синицынымъ записали послѣдній стихъ, то оба съ неподдѣльнымъ и искреннимъ чувствомъ выражали нашъ восторгъ къ этимъ звучнымъ и сильнымъ стихамъ. Юрьевъ продолжалъ:—„Я тотчасъ списалъ съ этихъ стиховъ, не выходя изъ комнаты Лермонтова, пять или шесть копій, которыя немедленно развезъ къ нѣкоторымъ друзьямъ. Эти друзья, частью сами, частью при помощи писцовъ, написали еще изрядное количество копій, и дня черезъ два или три почти весь Петербургъ читалъ и зналъ „дополненіе къ стихамъ Лермонтова на смерть Пушкина“. Когда старушка-бабушка узнала объ этихъ стихахъ, то старалась всѣми силами, нельзяли какъ нибудь, словно фальшивыя ассигнаціи, исхитить ихъ изъ обращенія въ публикѣ; но это было рѣшительно невозможно: они распространялись съ быстротою, и вскорѣ ихъ читала уже вся Москва, гдѣ старики и старухи, преимущественно, на Тверской, объявили ихъ чисто революціонерными и опасными. Прочелъ ихъ и графъ Бенкендорфъ, но отнесся къ нимъ какъ къ поэтической вспышкѣ, сказавъ Дубельту: „Самое лучшее на подобныя легкомысленныя выходки не обращать никакого вниманія: тогда слава ихъ скоро померкнетъ; ежели же мы примемся за преслѣдованіе и запрещеніе ихъ, то хорошаго ничего не выйдетъ, и мы только раздуемъ пламя страстей“.—Стихи эти читалъ даже Великій Князь Михаилъ Павловичъ и только сказалъ смѣясь: „Эхъ, какъ же онъ расходился! Кто подумаетъ, что онъ самъ не принадлежитъ къ высшимъ дворянскимъ родамъ?“—Даже до насъ доходили слухи, что Великій Князь, при встрѣчѣ съ Бенкендорфомъ, шепнулъ ему, что желательно, чтобъ этотъ „вздоръ“, какъ онъ выразился, не обезпокоилъ вниманія Государя Императора. Однимъ словомъ, стихи эти, переписываемые и заучиваемые всѣми повсюду, въ высшихъ сферахъ считались ребяческою вспышкою, а въ публикѣ, хотя и не громко, но признавались за произведеніе геніальное. Государь объ нихъ ничего не зналъ, потому что графъ Бенкендорфъ не придавалъ стихамъ значенія, пока дней пять или шесть назадъ былъ раутъ у графа Ф., гдѣ былъ и графъ Бенкендорфъ въ числѣ гостей. Вдругъ къ нему подходитъ извѣстная Петербургская болтунья и, какъ ее зовутъ, la lépre de la société [1]), Х., разносительница новостей, а еще болѣе клеветъ и пасквилей по всему городу и, подойдя къ графу, эта несносная вѣстовщица вдругъ говоритъ: „А вы вѣрно читали, графъ, новые стихи на всѣхъ насъ и въ которыхъ la crême de la noblesse [2]) отдѣланы на чемъ свѣтъ стоитъ?“—„ О какихъ стихахъ вы говорите, сударыня?“, спрашиваетъ графъ. —„Да о тѣхъ, что написалъ гусаръ Лермонтовъ и которые начинаются стихами: „А вы, надменные потомки!, т. е. ясно мы всѣ, toute l'aristocratie russe“. Бенкендорфъ ловко далъ тотчасъ другое направленіе разговору и столько же ловко постарался уклониться отъ своей собесѣдницы, которую, какъ извѣстно, послѣ всѣхъ ея продѣлокъ, особенно послѣ ея попрошайничествъ, нигдѣ не принимаютъ, кромѣ дома ея сестры, графини Ф., которая сама бѣдняжка въ отчаяніи отъ такого кровнаго родства. Однако послѣ этаго разговора на раутѣ, графъ Бен-

1) Проказа общества.
2) Сливки (верхушки) дворянства,

кендорфъ на другой же день передъ отправленіемъ своимъ съ докладомъ къ Государю Императору, сказалъ Дубельту: „Ну, Леонтій Васильевичъ, что будетъ, то будетъ, а послѣ того, что Х. знаетъ о стихахъ этого мальчика Лермонтова, мнѣ не остается ничего больше, какъ только сейчасъ же доложить объ нихъ Государю". Когда графъ явился къ Государю и началъ говорить объ этихъ стихахъ въ самомъ успокоительномъ тонѣ, Государь показалъ ему экземпляръ ихъ, сейчасъ имъ полученный по городской почтѣ, съ гнусною надписью: „Воззваніе къ революціи". Многіе того мнѣнія, что это работа de la lépre de la société, которая, недовольная уклончивостью графа на раутѣ, чѣмъ свѣтъ послала копію на Высочайшее имя въ Зимній Дворецъ, при чемъ, конечно, въ отдѣленіи городской почты въ Главномъ Почтамтѣ, повѣренный далъ вымышленный адресъ, и концы въ воду, но естественно не для жандармеріи, которая имѣетъ свое чутьё. Какъ бы то ни было, Государь былъ разгнѣванъ, принялъ дѣло серьознѣе, чѣмъ представлялъ графъ и велѣлъ Великому Князю Михаилу Павловичу немедленно послать въ Царское Село начальника штаба гвардіи Петра Ѳедоровича Веймарна для произведенія обыска въ квартирѣ корнета Лермонтова. Веймарнъ нашелъ прежде всего, что квартира Лермонтова уже много дней не топлена, потому что самъ хозяинъ ея проживаетъ постоянно въ Петербургѣ у бабушки. Начальникъ штаба дѣлалъ обыскъ и опечатывалъ все, что нашелъ у Лермонтова изъ бумагъ, не снимая шубы. Между тѣмъ дали знать Мишѣ, онъ поскакалъ въ Царское и повезъ туда съ полною откровенностью весь свой портфель, въ которомъ, впрочемъ, всего больше было конечно барковщины; но однако, прискакавшій изъ Царскаго фельдъегерь отъ начальника штаба сопровождалъ полковаго адъютанта и жандармскаго офицера, которые приложили печати свои къ бюро, къ столамъ, къ комодамъ въ нашемъ аппартаментѣ. Бабушка была въ отчаяніи; она непремѣнно думала, что ея Мишеля арестуютъ, что въ крѣпость усадитъ; однако все обошлось даже безъ ареста, только велѣно было ему отъ начальника штаба жить въ Царскомъ, занимаясь впредь до повелѣнія прилежно царской службой, а не „сумазбродными стихами". Вслѣдъ за этимъ сдѣлано по гвардіи строжайшее распоряженіе о томъ, чтобы офицеры всѣхъ загородныхъ полковъ отнюдь не смѣли отлучаться изъ мѣстъ ихъ квартированія иначе какъ съ разрѣшенія полковаго командира, который даетъ письменный отпускъ, и отпускъ этотъ офицеръ долженъ предъявлять въ ордонансъ-гаузѣ и въ гвардейскомъ штабѣ. Просто исторія! Мнѣ это также не по шерсти, ей Богу. И все это изъ за стиховъ „Майошки". Однако, нѣсколько дней спустя, послѣдовалъ приказъ: „Л. гв. гус. полка корнетъ Лермонтовъ переводится прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ". Сначала было приказано выѣхать ему изъ Петербурга черезъ 48 часовъ, т. е. въ столько времени, во сколько можетъ быть изготовлена новая форма, да опять спасибо бабушкѣ: перепросила, и кажется, нашъ „Майошка" проведетъ съ нами и Пасху. Теперь вѣдь Вербная недѣля, ждать не долго".

—„Бѣдный", жаль мнѣ его, сказалъ Синицынъ, а со всѣмъ тѣмъ хотѣлось бы видѣть его въ новой формѣ: куртка съ кушакомъ, шаравары, шашка черезъ плечо, киверъ гречневикомъ изъ чернаго барашка съ огромнымъ козырькомъ. Все это преуморительно сидѣть будетъ на немъ".

—Не уморительнѣе юнкерскаго ментика, замѣтилъ Юрьевъ, въ которомъ онъ не мало таки времени щеголялъ въ школѣ. Но страшно забавенъ въ этой Кавказской формѣ Костька Булгаковъ!"

„—Какъ, развѣ и онъ угодилъ на Кавказъ? спросилъ Синицынъ, для компаніи что ли?

—„О нѣтъ, онъ на Кавказъ не назначенъ, сказалъ Юрьевъ, а только съ

этой Кавказской формой Лермонтова удралъ презабавную и довольно нелѣпую, въ своемъ родѣ, штуку. Заѣзжаетъ онъ на дняхъ къ намъ и видитъ весь этотъ костюмъ, только что принесенный отъ портнаго и изъ магазина офицерскихъ вещей. Тотчасъ давай примѣрять, на своей карапузой фигурѣ, куртку съ кушакомъ, шашку на портупеѣ черезъ плечо и баранью шапку. Смотрится въ зеркало и находитъ себя очень воинственнымъ въ этомъ нарядѣ. При этомъ у него мелькаетъ блажная мысль выскочить въ этомъ переодѣваньи на улицу и, пользуясь отсутствіемъ какъ Лермонтова, такъ и моимъ, глухой къ убѣжденіямъ Вани *), садится на перваго подвернувшагося у подъѣзда лихача и несется на немъ по Невскому. Между тѣмъ „Майошка“ ѣздилъ по своимъ дѣламъ по городу, и на бѣду наѣхалъ у Англійскаго магазина, гдѣ кое-что закупалъ, на Великаго Князя Михаила Павловича, который остановилъ его и, грозя пальцемъ, сказалъ: „Ты не имѣешь права щеголять въ этой лейбъ-гусарской формѣ, когда долженъ носить свою Кавказскую: объ тебѣ давно ужъ былъ приказъ“.—„Виноватъ, Ваше Высочество, не я, а тотъ портной, который меня обманываетъ. Между тѣмъ, по дѣламъ не терпящимъ о тлагательства, необходимо было выѣхать со двора“, былъ отвѣтъ Лермонтова.—„Смотри же, поторопи хорошенько твоего портнаго, замѣтилъ Великій Князь: онъ такъ неисполнителенъ вѣрно потому что, чего добраго, подобно тебѣ шалуну, строчитъ какую нибудь поэму или оду. Въ такомъ родѣ я до него доберусь. Но во всякомъ случаѣ, чтобъ я тебя больше не встрѣчалъ въ этой не твоей формѣ“.—„Слушаю, Ваше Высочество“, рапортовалъ Лермонтовъ, „сегодняже покажусь въ городѣ Кавказцемъ“. — „Сегодня, такъ значитъ экипировка готова?“, спросилъ Великій Князь.—„Постараюсь, въ исполненіе воли Вашего Высочества изъ невозможнаго сдѣлать возможное“, пробарабанилъ Лермонтовъ, и Его Высочество, довольный молодецкимъ отвѣтомъ, уѣхалъ. Онъ отправлялся въ Измайловскія казармы, почему кучеръ его, проѣхавъ часть Невскаго Проспекта (встрѣча съ Лермонтовымъ была противъ Англійскаго магазина) повернулъ за Аничковымъ мостомъ на Фонтанку, и тутъ едва подъѣхали сани Великаго Князя къ Чернышеву мосту, отъ Садовой въ перерѣзъ мимо театральнаго дома, стрѣлой несутся сани, и въ саняхъ Кавказскій драгунъ, лорнирующій внимательно окна театральной школы. Великій Князь, зная, что во всемъ Петербургѣ въ это время Нижегородскаго драгуна *) не находится кромѣ Лермонтова и удивляясь быстротѣ, съ которою послѣдній успѣлъ перемѣнить костюмъ, велѣлъ кучеру догнать быстро летѣвшаго Нижегородскаго драгуна; но куда!, у лихача былъ какой-то двужильный рысакъ, который могъ бы, кажется, преміи выигрывать на бѣгахъ, и баранья шапка мигомъ скрылась изъ глазъ. Нечего было дѣлать: Великій Князь оставилъ перегонку и отправился въ Измайловскія казармы, гдѣ въ этотъ день былъ какой-то экстраординарный смотръ. Послѣ смотра Великій Князь подозвалъ къ себѣ подпоручика Ф****, изъ нашихъ подпрапорщиковъ и, спросивъ его, знаетъ ли онъ квартиру Лермонтова живущаго у нашей бабушки Арсеньевой, велѣлъ ему ѣхать туда сейчасъ и узнать отъ него, какъ онъ успѣлъ такъ скоро явиться въ новой Кавказской формѣ близъ Чернышева моста, тогда какъ не больше десяти минутъ Его Высочество оставилъ его у Полицейскаго моста; и о томъ, что узнаетъ, донести тотчасъ его Высочеству въ Михаиловскомъ дворцѣ. Измайловецъ къ намъ пріѣхалъ въ то время, какъ

*) Камердинеръ М. Ю. Лермонтова, нѣсколько помоложе его, всегда находившійся при немъ въ школѣ и носившій деньщичью форму.

*) Они въ ту пору въ Петербургѣ были очень рѣдки, какъ и вообще всѣ Кавказцы, обращавшіе на себя на улицахъ вниманіе публики.

только Булгаковъ возвратился и, при общемъ хохотѣ, снималъ Кавказскіе доспѣхи, разсказывая, какъ, благодаря лихому рысаку своего извощика Терешки, онъ далъ утечку отъ Великаго Князя. Вслѣдствіе всего этого доложено было Его Высочеству, что Лермонтовъ, откланявшись ему, полетѣлъ къ своему неисправному портному, у котораго будто бы были и всѣ вещи обмундировки и, напугавъ его именемъ Великаго Князя, ухватилъ тамъ все, что было готоваго и поскакалъ продолжать свою дѣловую поѣздку по Петербургу, уже въ бараньей шапкѣ и въ шинелѣ драгунской формы. Великій Князь очень доволенъ былъ исполнительностью Лермонтова, никакъ не подозрѣвая, что онъ у Чернышеватого моста видѣлъ не Лермонтова, а шалуна Булгакова".

Въ это время когда Юрьевъ кончалъ свой разсказъ, въ сосѣдней комнатѣ, которая была прямо изъ прихожей, проходная зала, служившая Синицыну вмѣстѣ и столовой, началъ слышаться тотъ легкій шумъ, который бываетъ, когда накрываетъ и собираетъ не очень ловкая прислуга, собираетъ на столъ, для обѣда или для ужина. Мои часы показывали десять часовъ вечера, и по звону хозяйскихъ огромныхъ стѣнныхъ часовъ, я убѣдился въ томъ, что мои съ часами Аѳанасія Ивановича минута въ минуту. Вдругъ во время звона часовъ, между нами неожиданно явился новый собесѣдникъ, плотный, коренастый, небольшаго роста, человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, изрыжа бѣлокурый съ темносѣрыми глазами и чертами лица довольно нѣжными и благообразными. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ конногвардейскаго полка, въ каскѣ (тогдашней формы, съ высокимъ гребнемъ и съ мѣднымъ крестомъ впереди), въ шарфѣ ,припалашѣ, волочившемся и гремѣвшемъ. Оказалось, что то былъ ротмистръ и эскадронный командиръ, помнится, Хрущовъ, дежурный въ этотъ день по полку, очень милый и приличный господинъ, который, снимая каску и отстегивая портупею палаша, обращаясь къ Синицыну съ милою, задушевною, но отнюдь не съ нахальною, фамильярностію, сказалъ:

—"Cher Синицынъ, я голоденъ, какъ собака, и пришелъ къ вамъ сдѣлать страшную брешу вашему ужину. Да представьте, какая фарса: мой поваръ напился мертвецки пьянъ, и ведро воды самой холодной, вылитое на его голову, не могло отрезвить его. Можно бы послать въ какой нибудъ отель за парою котлетъ; да пока принесутъ сюда изъ Морской, все будетъ холодно и сально. А между тѣмъ, гляжу изъ дежурной комнаты, и вижу свѣтъ въ окнахъ милѣйшаго нашего ассесора въ военной судной комиссіи надъ убійцей Пушкина, такъ жестоко расхлёстаннымъ Лермонтовымъ. И вотъ я къ вамъ какъ снѣгъ на голову, мой любезнѣйшій однополченецъ, Аеанасій Ивановичъ."

—„А я, захихикалъ Синицынъ, какъ истый Русскій человѣкъ, хотя и съ малою толикою хохлячины, очень люблю снѣгъ, гораздо больше дождя, особенно такой хорошій Русскій снѣгъ. Но вы, ротмистръ, для меня всегда дорогой и пріятный, хотя, къ сожалѣнію, очень рѣдкій гость. Однако, господа, позвольте васъ познакомить."

Когда мы были взаимно представлены и когда ротмистръ Хрущовъ вспомнилъ, что онъ меня встрѣчалъ у Николая Александровича Бутурлина, онъ замѣтилъ, что, кажется, когда онъ входилъ въ комнату, ему послышалось имя извѣстнаго enfant terrible de la garde,—Кости Булгакова. Синицынъ подтвердилъ это и объяснилъ въ десяти словахъ новую шалость Булгакова съ Кавказскою формою Лермонтова.

—„Tant va la cruche à l'eau, qu'elle se brise" *), замѣтилъ Хрущовъ, и помните мое слово, что Булгаковъ столько повѣсничаетъ, и такъ отчаянно, что наконецъ разомъ ему придется за все

*) Повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить.

поплатиться. Вы слышали его недавнюю фарсу съ длиною сюртучныхъ полъ?“

И онъ разсказалъ одну изъ сотенъ Булгаковскихъ продѣлокъ того времени. Мы посмѣялись этому разсказу, и когда перешли въ столовую, гдѣ насъ ожидало преизрядное блюдо отбивныхъ котлетъ, дежурный по полку ротмистръ доказалъ, что ему хотѣлось ѣсть и что аппетитъ у него богатырскій, да и мы всѣ акомпанировали ему не дурно, нечего скавать, не отказываясь отъ лафита и д'икема, которыми гостепріимный хозяинъ наполнялъ усердно наши стаканы, восклицая, отъ времени до времени, съ изъявленіемъ сожалѣнія, что между нами нѣтъ милаго Миши Лермонтова, котораго при постороннемъ и старшемъ офицерѣ онъ не находилъ удобнымъ величать, по юнкерски, „Майошкой,“ отъ какого названія замѣтно воздерживался и Юрьевъ, его кузенъ и другъ. Но когда Аѳанасій Ивановичъ откупорилъ бутылку шампанскаго, извѣстнаго тогда подъ фирмою champagne rosé (которое было нѣчто въ родѣ кремана, но однако не кременъ) и предложилъ тостъ за здоровье скоро отъѣзжающаго на Кавказъ однокашника, то прозвище „Майошки“ сорвалось съ языка у него и было повторено Юрьевымъ, объяснившимъ Хрущеву, что тамъ они въ школѣ, гдѣ всѣмъ давались клички и собрике, прозвали Лермонтова по причинѣ его сутуловатости и даже неуклюжести, при ростѣ весьма не богатырскомъ. Это подало поводъ Юрьеву и Синицыну распространиться въ воспоминаніяхъ о различныхъ случаяхъ изъ школьной ихъ жизни, заставлявшихъ весело смѣяться Хрущева и меня.

—„А вотъ, братъ Синицынъ, говорилъ Юрьевъ, ты, кажется, не знаешь о нашей юнкерско-офицерской продѣлкѣ на Московской заставѣ въ первый годъ, т. е. въ 1835 году, нашего съ Лермонтовымъ производства въ офицеры. Продѣлка эта названа была нами, и именно Лермонтовымъ *„всенародною энциклопедіею именъ.“*

—„Нѣтъ, не знаю, отозвался Синицынъ, разскажи, пожалуста.“

—„Разъ какъ-то Лермонтовъ зажился на службѣ дольше обыкновеннаго (началъ Юрьевъ) а я былъ въ городѣ, пріѣхавъ, какъ водится, изъ моей скучной Новгородской стоянки. Бабушка соскучилась безъ своего Мишеля, пребывавшаго въ Царскомъ и кутившаго тамъ на пропалую въ веселой компаніи. Писано было въ Царское; но „Майошка“ и ухомъ не велъ, все никакъ не пріѣзжалъ. Наконецъ рѣшено было его оттуда притащить въ Петербургъ bon gré, mal gré [1]). Въ одно прекрасное Февральское утро честной масляницы, я, по желанію бабушки, распорядился, чтобъ была готова извощичья молодецкая тройка съ пошевнями, долженствовавшая мигомъ доставить меня въ Царское, откуда рѣшено было привезти le déserteur [2]), который, масляница на проходѣ, не пробовалъ еще у бабушки новоизобрѣтенныхъ блиновъ ея повара Тихоныча, да къ томуже и прощальные дни близки были, а Мишенька все въ письмахъ своихъ увѣряетъ, что онъ штудируетъ въ манежѣ службу царскую, при чемъ всякій разъ проситъ о присылкѣ ему малыхъ толикъ деньжатъ. Въ деньжатахъ, конечно, отказа никогда не было; но надобно же въ самомъ дѣлѣ и честь знать. Тройка моя уже была у подъѣзда, какъ вдругъ швейцарскій звонъ объявляетъ мнѣ гостей, и пять минутъ спустя, ко мнѣ вваливается съ смѣхомъ и грохотомъ и cliquetis des armes [3]), какъ говоритъ бабушка, честная наша компанія, предводительствуемая Костей Булгаковымъ, тогда еще подпрапорщикомъ Преображенскаго полка, а съ нимъ подпрапорщикъ же лейбъ-егерь Гвоздевъ [4]),

[1]) Хочетъ не хочетъ. [2]) Бѣглеца. [3]) Бряканье оружія.

[4]) Павелъ Александровичъ Гвоздевъ, братъ того Александра Александровича, который былъ впослѣдствіи директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и погибъ такою трагическою смертію, какъ говорили тогда, въ припадкѣ ипохондріи, подъ колесами вагона Николаевской желѣзной

да юнкеръ лейбъ уланъ М""скій *). Только что они явились, о чемъ узнала бабушка, тотчасъ явился къ намъ завтракъ съ блинами изобрѣтенія Тихоныча и съ разными другими масляничными снадобьями, а бабушкинъ камердинеръ, взявъ меня въ сторону, почтительнѣйше донесъ мнѣ по приказанію ея превосходительства Елизаветы Алексѣевны, что не худо бы мнѣ ѣхать за Михаиломъ Юрьевичемъ съ этими господами, на какой конецъ явится еще наемная тройка съ пошевнями. Предложеніе это принято было, разумѣется съ восхищеніемъ и увлеченіемъ, и вотъ двѣ тройки съ нами четырьмя понеслись въ Царское Село. Когда мы подъѣхали къ заставѣ, то увидѣли, что на офицерской гауптвахтѣ стоятъ Преображенцы, и караульнымъ офецеромъ одинъ изъ нашихъ недавнихъ однокашниковъ, князь Н*****, веселый и добрый малый, который, увидѣвъ между нами Булгакова, сказалъ ему: „Когда вы будете ѣхать всѣ обратно въ городъ, то я васъ, господа, не пропущу черезъ шлахбаумъ, ежели Костя Булгаковъ не въ своемъ настоящемъ видѣ, то есть, на шестомъ взводѣ, какъ ему подобаетъ быть.“—Мы, хохоча, дали слово, что не одинъ Булгаковъ, а вся честная компанія съ прибавкою двухъ-трехъ гусаръ, будетъ проѣзжать въ самомъ развеселомъ, настоящемъ масляничномъ состояніи духа, а ему предоставитъ честь и удовольствіе наслаждаться въ полной трезвости обязанностями службы царю и отечеству.— Въ Царскомъ мы застали у „Майошки“ пиръ горой и, разумѣется, всѣми были приняты съ распростертыми объятіями, и насъ принудили впрочемъ, конечно, не дѣлая большихъ усилій для этого принужденія, принять участіе въ балтазаровой пирушкѣ, кончившейся непремѣнною жжонкою, при чемъ обнаженныя гусарскія сабли играли не послѣднюю роль, служа усердно своими невинными лезвеями вмѣсто подставокъ для сахарныхъ головъ, облитыхъ ромомъ и пылавшихъ великолѣпнымъ синимъ огнемъ, поэтически освѣщавшимъ столовую, изъ которой, эффекта ради, были вынесены всѣ свѣчи и карсели. Эта поэтичность всѣхъ сильно воодушевила и настроила на стихотворный ладъ. Булгашка сыпалъ Французскими стишонками собственной фабрикаціи, въ которыхъ перемѣшаны были les rouges hussards, les bleus lanciers, les blancs chevaliers gardes, les magnifiques grenadiers, les agiles chasseurs со всякимъ невообразимымъ вздоромъ въ родѣ Mars, Paris, Apollon, Henri IV, Louis XIV, la divine Natascha, la suave Lisette, la succulente Georgette и пр., а „Майошка“ изводилъ карандаши, которые я ему починивалъ и соорудилъ въ стихахъ застольную пѣсню въ самомъ, что ни есть, скарроновскомъ родѣ, и потомъ эту пѣсню мы пѣли громчайшимъ хоромъ, такъ что, говорятъ, безногій Царскосельскій бѣсъ сильно встревожился въ своей придворной квартирѣ и, не зная на комъ сорвать свое отчаяніе, велѣлъ отпороть двухъ или трехъ дворцовыхъ истопниковъ; словомъ шла „гусарщина“ на славу. Однако, нельзя же было не ѣхать въ Петербургъ и непремѣнно вмѣ-

---

дороги въ 1862 году. Этотъ Гвоздевъ, даровитый, добрый и умный малый, но необыкновенно впечатлительный и вспыльчивый, изъ подпрапорщиковъ л. гв. Егерьскаго полка былъ въ 1835 году переведенъ въ армію юнкеромъ же на Кавказъ. Потомъ онъ вышелъ въ отставку, служилъ по статской службѣ, при протекціи брата и умеръ въ молодыхъ еще годахъ, т. е. моложе 30 лѣтъ. Когда былъ въ Петербургѣ шумъ и гвалтъ по поводу стиховъ графини Ев. Петр. Растопчиной, напечатанныхъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ Булгаринымъ, думавшимъ угодить ими правительству, не зная, что стихи эти подъ названіемъ „Баронъ“, были направлены противъ Императора Николая Павловича, — явилось слѣдующее довольно бойкое четверостишіе:

Шутить я не привыкъ.
Я самъ великій баринъ,
И за дерзскій свой языкъ,
Заплатитъ... Булгаринъ.

(Стихи эти были написаны именно этимъ Пав. Ал. Гвоздевымъ).

*) Ал. М. М—скій, нынѣ полковникъ въ отставкѣ, мой добрый знакомецъ. Онъ сообщилъ въ печати нѣкоторыя замѣчательныя подробности о Лермонтовѣ, въ приложеніяхъ къ „Запискамъ Е. А. Хвостовой“.

стѣ съ Мишей Лермонтовымъ, что̀ было условіемъ бабушки sine qua non. Къ нашему каравану присоединилось еще нѣсколько гусаръ, и мы собрались, рѣшивъ взять съ собою на дорогу корзину съ полъ-окорокомъ, четвертью телятины, десяткомъ жареныхъ рябчиковъ и съ добрымъ запасомъ различныхъ ликеровъ, ратафій, бальзамовъ и дюжиною шампанской искрометной влаги, никогда Шампаньи, конечно, не видавшей. Передъ выѣздомъ заявлено было „Майошкой“ предложеніе дать на заставѣ оригинальную записку о проѣзжающихъ, записку въ которой каждый изъ насъ долженъ былъ носить какую нибудь вымышленную фамилію, въ которой слова „дуракъ“, „болванъ“, „скотъ“ и пр. играли бы главную роль съ передѣлкою характеристики какой либо національности. Булгаковъ это понялъ сразу, и объявилъ за себя, что онъ marquis de Gloupignon (маркизъ Глупиньонъ). Его примѣру послѣдовали другіе, и явились: донъ Скотилло, боярин Болванешти, Фанаріотъ Мавроглупато, лордъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, панъ Глупчинскій, синьоръ Глупини, панычъ Дураленко и наконецъ чистокровный Россійскій дворянинъ Скотъ Чурбановъ. Послѣднюю кличку присвоилъ себѣ Лермонтовъ. Много было хохота, по случаю этой, по выраженію Лермонтова „всенародной энциклопедіи фамилій“. На самой серединѣ дороги вдругъ наша бѣшеная скачка была остановлена тѣмъ, что упалъ коренникъ одной изъ четырехъ троекъ, говорю четырехъ, потому что къ нашимъ двумъ въ Царскомъ присоединилось еще двѣ тройки гусаръ. Кучеръ объявилъ, что надо „сердечнаго“ распречь и освѣжить снѣгомъ, такъ какъ у него „родимчикъ“. Не бросить же было коня на дорогѣ, и мы порѣшили остановиться и воспользоваться какимъ-то торчавшимъ на дорогѣ балаганомъ, мѣстомъ, служившимъ для торговли, а зимою пустымъ и остающимся безъ всякаго употребленія. При содѣйствіи свободныхъ ямщиковъ и кучеровъ, мы занялись устройствомъ балагана, т. е. размѣстили тамъ разныя доски, какія нашли, на полѣнья и снарядили что-то въ родѣ стола и табуретовъ. Затѣмъ зажгли тѣ фонари, какіе были съ нами и приступили къ нашей корзинѣ, занявшись содержаніемъ ея прилежно, впрочемъ, при помощи нашихъ возницъ, кушавшихъ и пившихъ съ увлеченіемъ. Тутъ было рѣшено, въ память нашего пребыванія въ этомъ балаганѣ, написать на стѣнѣ его, хорошо выбѣленной, углемъ всѣ наши псевдонимы, но въ стихахъ, съ тѣмъ, чтобъ каждый написалъ одинъ стихъ. Насъ было десять человѣкъ, и написано было десять нелѣпѣйшихъ стиховъ, изъ которыхъ я помню только шесть; остальные четыре выпарились изъ моей памяти, къ горю потомства, потому что, когда я лѣтомъ того же года хотѣлъ убѣдиться, существуютъ ли на стѣнѣ балагана наши стихи, имѣлъ горе на дѣлѣ сознать тщету славы: ихъ уничтожила новая штукатурка въ то время, когда балаганъ, пустой зимою, сдѣлался временною лавочкою лѣтомъ.

Гостьми былъ полонъ балаганъ.
Болванешти, Молдаванъ,
Стоялъ съ осанкою воинской;
Болванопуло было Грекъ,
Чурбановъ, Русскій человѣкъ,
Да былъ еще Полякъ Глупчинскій.

— „Такимъ образомъ, продолжалъ Юрьевъ, ни Испанецъ, ни Французъ, ни Хохолъ, ни Англичанинъ, ни Итальянецъ въ память мою не попали и исчезли для исторіи. Когда мы на гауптвахтѣ, въ два почти часа ночи, предъявили караульному унтеръ-офицеру нашу шуточную записку, онъ имѣлъ видъ почтительнаго недоумѣнія, глядя на красныя гусарскія офицерскія фуражки; но кто-то изъ насъ, менѣе другихъ служившій Вакху (какъ говаривали наши отцы) указалъ служивому оборотную сторону листа, гдѣ всѣ наши фамиліи и ранги, правда, не выше корнетскаго, были ясно прописаны.

— „Но все таки, кричалъ Булгаковъ, непремѣнно покажи записку караульно-

му офицеру и скажи ему, что Французскій маркизъ былъ на шестомъ взводѣ.“ — „Слушаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Преображенецъ и крикнулъ караульному у шланбаума: „Бомвысь!“, и мы влетѣли въ городъ, гдѣ вся честная компанія разъѣхалась по квартирамъ, а Булгаковъ ночевалъ у насъ. Утромъ онъ пресеріозно и пренастоятельно увѣрялъ бабушку, добрѣйшую старушку, не умѣющую сердиться на ваши проказы, что онъ весьма дѣйствительно маркизъ де Глупиньонъ“.

— „Ну эта Булгаково-Лермонтовская и compagnie шутка на заставѣ, сказалъ ротмистръ Хрущевъ, была совершенно невиннымъ фарсомъ развеселившихся юношей, кончившаяся общимъ смѣхомъ. А вотъ, въ двадцатахъ годахъ, была, какъ разсказывалъ мнѣ мой старикъ дядя, здѣсь въ Петербургѣ иная шутка, имѣвшая иныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, послѣ Семеновской исторіи, всѣ офицеры этого, въ тѣ времена самаго блестящаго и наилучше составленнаго, полка, были переведены въ армію тѣми же чинами, а на мѣста ихъ изъ арміи съ повышеніемъ двумя чинами были переведены въ гвардію въ Семеновскій полкъ самые заскорузлые армейцы, отчасти бурбоны, отчасти такіе, которые были плохими кадетами въ корпусахъ и потому не только свѣтскимъ лоскомъ, но и никакою начитанностью не отличались. Ихъ въ Петербургѣ нигдѣ не принимали, и они вели жизнь самую замкнутую въ своемъ тѣсномъ полковомъ кружкѣ; но всѣ они были хорошими фронтовиками и нерѣдко на смотрахъ и парадахъ поставлялись начальствомъ въ примѣръ гвардейцамъ. Это послѣднее обстоятельство досадовало многихъ, и бѣднымъ Семеновцамъ то и дѣло, что приходилось испытывать на на себѣ то, что̀ называется des niches, des tours des pages *). И дѣйствительно, офицеры гвардейскаго корпуса другихъ полковъ, вышедшіе изъ Пажескаго Корпуса, ставили Семеновцамъ новаго закала преловкія подножки. Одна изъ этого рода подножекъ, исполненная шалуномъ въ родѣ нынѣшняго Булгакова, какихъ тогда было безъ числа, жутко пришлась одному изъ новыхъ Семеновцевъ, какому-то поручику гвардіи, разсчитывавшему дослужить въ Семеновскомъ полку до штабсъ-капитана, перейти снова въ армію маіоромъ и тогда гдѣ-то въ Весьегонскѣ или Царевококшайскѣ, что ли, сочетаться бракомъ съ дочерью благочиннаго протопопа, имѣвшаго кругленькое состояніе и объявившаго этому гусю, что онъ Акулю благословитъ за него тогда, когда увидитъ его маіоромъ съ пышными эполетами и командиромъ команды внутренней стражи съ яркожелтыми воротниками на сѣрыхъ мундирахъ. Старикъ зналъ, гдѣ раки зимуютъ; потому что эти командиры „канареечныхъ командъ“ въ тѣ времена разживались быстро и безопасно. Такимъ образомъ, Семеновская исторія годовъ на пятнадцать, по крайней мѣрѣ, укоротила срокъ, въ который бывшій прапорщикъ могъ сдѣлаться обладателемъ Акули и ея движимаго и недвижимаго состоянія, при чемъ больше было шансовъ и на сохраненіе красоты вожделѣнной невѣсты. И вотъ поручикъ гвардіи, т. е. капитанъ арміи, мечтающій о томъ, какъ бы ему поскорѣе добраться до вожделѣнныхъ маіорскихъ эполетъ, исправенъ по службѣ, какъ никто, надѣясь схватить за отличіе штабсъ-капитанскій рангъ, который для него лучше всего на свѣтѣ. Особенно исправенъ и строгъ онъ бываетъ въ караулѣ на заставахъ, гдѣ соблюдаетъ такое педантство, что городской плацъ-маіоръ, читая въ дневномъ приказѣ, что на такой-то заставѣ стоитъ этотъ Семеновскій поручикъ, говоритъ бывало своимъ плацъ-адъютантамъ съ ярко-оранжевыми воротниками: „Сегодня на эту заставу хоть и не ѣздить: самъ воинскій артикулъ тамъ въ кара-

*) Продѣлки съ насмѣшкою, пажескія штуки.

улѣ". Разъ стоитъ этотъ „самъ артикулъ" у Тріумфальныхъ воротъ, которые однако артикулъ иначе какъ „Крахмальными" не умѣлъ назвать. Несется въ столицу по Петергофской дорогѣ преотличная карета шестерикомъ, четверня рядомъ, а форейторъ на уносныхъ. Унтеръ-офицеръ изъ грамотныхъ съ аспидной доской въ рукѣ подбѣжалъ къ каретѣ и спрашиваетъ, какъ водится: „кто изволитъ ѣхать?" а между тѣмъ заглянулъ въ карету,— и такъ и обмеръ: сидитъ въ каретѣ баринъ въ завиткахъ барашкомъ, напудренный словно въ снѣгу или въ мукѣ и въ мундирѣ золотомъ расшитомъ по алому бархату. Два лакея въ чудесныхъ ливреяхъ съ треуголками, а одинъ изъ нихъ говоритъ: „Изволитъ ѣхать его графское сіятельство Рохусъ-фонъ-Пумперникель." Ундеръ трепетной рукой записываетъ и трижды спрашиваетъ: „Какъ-съ? Чтобъ не ошибиться-съ! Господинъ поручикъ больно-съ строги". Лакей такой добрый, самъ помогъ записать „Рохусъ-фонъ Пумперникель." И унтеръ заоралъ: „Бомвысь!", вытянувшись въ струночку. Шлахбаумъ взлетѣлъ, карета проскакала въ городъ, увозя молодаго гвардейца изъ камеръ-пажей, переодѣтаго во взятый у костюмёра театральный костюмъ Французскаго виконта съ напудреннымъ парикомъ и назвавшимся именемъ главнаго дѣйствующаго лица изъ имѣвшей тогда такой же успѣхъ Нѣмецкой комедіи-фарса, какъ теперь, напримѣръ хоть „Ложа перваго яруса" на представленіе Тальони" *). Въ роли этой, говорятъ старорожилы, былъ неподражаемъ актеръ Нѣмецкой труппы Ливденштейнъ, восхищавшій весь Петербургъ. Но Семеновецъ-офицеръ не могъ знать городскихъ новостей, какъ бы онѣ громки ни были, и радовался тому, что важнаго графа такъ живо пропустилъ. Но радость его была непродолжительна, потому что комендантъ Башуцкій, одинъ изъ Гатчинцевъ, Павловскихъ временъ, какъ прочелъ на слѣдующее утро рапортъ караульнаго офицера, какъ тотчасъ уразумѣлъ, что тутъ кроется шалость чья нибудь, и тотчасъ снесся съ дивизіоннымъ начальникомъ, по распоряженію котораго поручика, мечтавшаго о маіорскихъ эполетахъ, упекли подъ арестъ куда-то въ Чекуши на пять дней съ наставленіемъ стараться понимать, что бываютъ фамильи вымышленныя, собственно для театра или для романовъ, а другія настоящія. Загоревалъ поручикъ гвардіи особенно потому, что арестъ этотъ ставилъ точку съ запятой въ его производствѣ за отличіе въ штабсъ-капитаны, чрезъ что могло сильно отдалиться маіорство, совпадающее съ обладаніемъ рукою Акули. Какъ только выпустили поручика изъ подъ ареста и возвратили ему шпагу, то практики ради, его опять назначили въ караулъ уже на Московскую заставу, гдѣ онъ поклялся всѣми прелестями Акули, протопопской дочки, быть съ Нѣмецкими фамиліями очень осторожнымъ. И вотъ изъ города уже, а не въ городъ карета шестерикомъ, и въ каретѣ сидитъ господинъ пожилыхъ лѣтъ въ трехъ звѣздахъ, въ мундирѣ штатскомъ и съ лентою алою черезъ плечо. Фамилія оказывается еще сложнѣе, еще труднѣе прежней театральной: баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ фонъ Кампенгаузенъ. Нашъ поручикъ говоритъ себѣ: „Нѣтъ, дудки; два раза шалуны меня не проведутъ. Не высь! А карету съ бариномъ подъ конвоемъ трехъ казаковъ препроводить къ его провосходительству господину коменданту, который ужъ выучитъ забавника всякія дьявольскія фамиліи выдумывать". Сидящій въ каретѣ звѣздоносецъ приходитъ въ отчаяніе, когда видитъ, что казаки съ пиками и нагайками не на шутку распоряжаются съ его кучеромъ и форейторомъ. Онъ кричитъ офицеру, что онъ государственный контролеръ, т. е. мивистръ и членъ Государственнаго Совѣта и ѣдетъ въ Царское Село къ Государю Императору съ докладомъ. Поручикъ непреклоненъ, слышать нечего не хочетъ,

*) А нынче, напримѣръ „Прекрасная Елена" или „Фаустъ на изнанку."

и министра государственнаго контроля Донцы сволокли по всему городу въ Ордонансъ-Гаузъ къ коменданту, который не зналъ, какъ извиниться передъ его высокопревосходительствомъ, а поручика гвардіи засадили на двѣ недѣли на гауптвахту съ занесеніемъ въ формуляръ его оплошности. Говорятъ, бѣдняга не вытерпѣлъ и вышелъ въ армію капитаномъ, не потерявъ надежды однако быть когда нибудь маіоромъ. —Однако, господа, второй часъ ночи: надо дать покой нашему любезному хозяину, спасшему меня отъ голодной смерти".

За тѣмъ поблагодаривъ хозяина и простясь съ нами, ротмистръ пошелъ въ свою дежурную комнату, Юрьевъ поѣхалъ къ Лермонтову, жившему у бабушки Арсеньевой; а я, какъ обыкновенно въ случаяхъ такихъ позднихъ бдѣній внѣ дома, заночевалъ подъ дружескимъ кровомъ моего любезнаго Аѳанасія Ивановича, имѣя въ карманѣ экземпляръ вполнѣ вѣрный стиховъ Лермонтова, перекинувшихъ его изъ гвардіи въ армію.

Владимірѣ (*Петр.*) *Бурнашевъ.*